

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-50065 от 29 мая
2012 г. Федеральная служба по
надзору в сфере связи, инфор-
мационных технологий и мас-
совых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
e-mail: vestnik_history@bsu.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
e-mail: riobsu@gmail.com

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаева

Подписано в печать 22.12.14.
Формат 70x100 1/16.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 7,1.
Тираж 1000. Заказ 306.
Дата выхода в свет 25.12.14.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3 а

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 2/2014

Ответственные за выпуск

Т. И. Гармаева, О. А. Малыгина

Редакционная коллегия выпуска

К. Б-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (главный редактор); М. Н. Балдано, д-р ист. наук, проф.; С. В. Васильева, д-р ист. наук, доц.; П. Н. Дудин, канд. полит. наук, доц.; А. В. Михалев, д-р полит. наук, доц.; Т. В. Паликова, д-р ист. наук, доц.; Е. Н. Палхаева, д-р ист. наук, доц.; Н. В. Цыремшилов, канд. ист. наук, доц.

Текст печатается в авторской редакции

© Бурятский государственный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Паликова Т. В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX – начале XX в.....	4	Хобраков Ц. Ч-Ц., Абаев Н. В. Об этнонимах «бурят», «баргут», «борджигин» в связи с этногенетическими корнями бурят-монгольской школы единоборства «Шонын-баша»...	61
Васильева С. В. Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение....	11	Ахмадулина С. З. Особенности становления и развития римско-католической общины в Бурятии.....	67
Горковенко О. Н. Социальное неравенство в Бурятии в конце XX – начале XXI в.....	17	Гармаева Т. И. Место и роль высших учебных заведений Внутренней Монголии в развитии Северного Китая.....	72
Цыремпилов Н. В. Кудунская теократия Лубсан- Самдан Цыденова: истоки, со- держание и хронология событий	22	Свиридова Н. Б. Рассуждения гласных город- ских дум Забайкальской обла- сти о введении земства в Сибири	76
Евтехов Р. А. Проблема кадрового обеспечения Верхнеудинской городской полиции в конце XVIII в.....	48	Малыгина О. А. Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернато- ров (2-ая половина XIX – нача- ло XX в.).....	81
Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н. Деятельность общественных организаций Бурятии (вторая половина 1920-х гг.).....	55		

CONTENTS

Palikova T. Russian-Eastern partnership in the second half of XIX - beginning XX century.....	4	Hobrakov Ts., Abaev N. Ethnonyms “Buryat”, “Bargut” and “Bordzhigin” in connection with ethnogenetic roots of Buryat-Mongolian School of the Martial Arts named “Shonyn- Basha”.....	61
Vasilieva S. Old Believers on periphery of Russia: the forced mobility or migratory move	11	Akhmadulina S. Features of formation and establishment of the Roman Catholic community in Burytia...	67
Gorkovenko O. Social inequality in Buryatia at the end XX - beginning XXI century..	22	Garmaeva T. Position and role of the universi- ties in Inner Mongolia in the de- velopment of North China.....	72
Tsyrempilov N. Kudun theocracy of Lubsan- Samdan Tsydenov: origins, con- tent and chronology of events.....	28	Sviridova N. Vowels city councils Transbaikal region on the introduction of the zemstvo in Siberia.....	76
Evtekhov R. The problem of personnel Verkhneudinsk city police at the end of the XVIII century.....	48	Malyagina O. Transbaikalskaya deportation and servitude in the reports of the mil- itary governors (II half of XIX - early XX centuries).....	81
Zhukova N., Palkhaeva E. Activity of public organizations of Buryatia (the second half of the 1920th).....	55		

УДК 94(571)
DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-4-11

© Т. В. Паликова

**Русско-Восточное сотрудничество
во второй половине XIX – начале XX в.**

Статья посвящена некоторым сферам приграничного сотрудничества России с Монголией и Китаем во второй половине XIX – начале XX в.: межгосударственным отношениям, экономическим, хозяйственным и культурным вопросам, раскрывающимся на основе архивного, эпистолярного и опубликованного материала. Характеризуется роль Забайкалья в системе русско-восточных международных отношений, ключевыми центрами которых стали Троицкосавск/Кяхта и Маймачен. Дается сравнительная характеристика русско-монгольских и русско-китайских торговых контактов, ее структуре и значимости в системе международной торговли на восточной окраине империи. Однако большее внимание уделяется повседневным связям трех народов трансграничья, проявлявшееся, прежде всего, в хозяйственных отношениях, складывавшихся на протяжении длительного времени. Установление полосы беспошлинной торговли, возможность беспрепятственного проникновения на 50 верст вглубь приграничных территорий способствовало активизации международной деятельности, поддержанию межличностного общения. В рамках этого сотрудничества происходило приобщение к культурным традициям народов, которое оказывало определенное влияние на русское хозяйствование на монгольских территориях, главную роль в котором играли приграничные города. Указывается, что стабильность и доброжелательность во взаимоотношениях жителей Забайкалья с монголами и китайцами, осуществлявшими свою деятельность в пределах пограничной полосы, имели стратегическое значение.

Ключевые слова: Россия, Китай, Монголия, Троицкосавск, Кяхта, Маймачен, международное экономическое, хозяйственное, культурное сотрудничество.

© Т. Palikova

**Russian-Eastern partnership
in the second half of XIX - beginning XX century**

The article is devoted to some spheres of the cross-border cooperation between Russia, Mongolia and China in the second half of XIX - beginning of XX century: interstate cooperation, economic, business and cultural questions. The role of Zabaikalye in the system of Russian-Eastern relations is characterized.

Indicate that the stability and goodwill in the relationship of the residents of Zabaikalye with Mongols and Chinese, who conducted their activities within the borderland, had strategic importance.

Keywords: Russia, China, Mongolia, Troitskosavsk, Kyahta, interstate cooperation, international economic, commercial, cultural cooperation.

Забайкалье в системе русско-восточных отношений выполняло важнейшую функцию плацдарма продвижения России в Монголию и Китай, способствуя улучшению межгосударственного общения. Центрами концентрации русско-китайского/монгольского взаимодействия с конца XVIII в. стали Троицкосавск/Кяхта и Маймачен. Активизации приграничного сотрудничества способствовало введение в 1860 г. 50-верстной беспошлинной зоны, что в некотором смысле размывало государственную границу, хотя она всегда была проницаемой для народов, проживавших вдоль нее. Используя архивный, эпистолярный и опубликованный материал, не претендуя на полноту освещения, попытаемся охарактеризовать некоторые сферы этого сотрудничества, тем более что взаимодействие в приграничной зоне охватывало и экономическую, и хозяйственную, и культурную сферы.

Вес Монголии в торговых отношениях с Россией был невелик (0,84 - 15 % от всего российского импорта), что объяснялось объективными причинами: крайне ограниченными ремесленными навыками, которыми владели монголы, сводившимися лишь к выделке войлока и ремней для личного пользования, и возможностью удовлетворить свои «несложные нужды» привозными готовыми изделиями и товарами [10, С. 46]. Российские купцы ввозили в Монголию широкий набор товаров повседневного спроса: разного качества ткани и изделия из них, юфть, кораллы, металл и железные предметы, мелкую галантерею российского производства.

Более 80 % монгольского экспорта составляли продукты животноводства и скот, достигая в отдельные годы 90 %. На протяжении десятилетий в Троицкосавске бесперебойно работали карантин и скотобойня. Монголия была крупнейшим поставщиком скота, третья часть которого перегонялась специально для Кяхты и Троицкосавска. По мере снижения вывоза чаев на рубеже веков укреплялись торговые связи Кяхты и Монголии, увеличивался и экспорт монгольского скота: в 1913 г. стоимость пропущенных через Кяхтинский карантин животных выросла в 2,9 раза (к 1897 г.). Это была важная статья импорта, т.к. без монгольского мяса, как отмечал Троицкосавский полицеймейстер Н. Чайкин в рапорте военному губернатору 20 апреля 1911 г. за № 2524, Забайкальский и Приамурский края обходиться не могли. Монгольский скот всегда служил продуктом, «продовольствующим» Троицкосавск с его слободами, в большом количестве он угонялся в Троицкосавский, Селенгинский, Верхнеудинский уезды, а оттуда в зимнее время мясом переправлялся в разные местности Забайкалья и Приамурья [7, л. 5; 9, 1 ноя.; 10, С. 23]. Из продуктов животноводства ежегодно ввозились сырые скотские кожи для ширки, коровье масло и сало. С открытием вблизи Кяхты стеаринового завода «Георгий Осокин и К^о» вывоз сала из приграничной полосы и более отдаленных местностей Монголии доходил до 30 - 40 тыс. пуд. Спросом пользовалась овечья и верблюжья шерсть [12, С. 45].

Для хозяйственных нужд жители Троицкосавска/Кяхты закупали сено, дрова и строевой лес. Собственные природные ресурсы были крайне скудны.

Несмотря на зависимость торговли от природных условий, за последнее десятилетие XIX в. доля этих товаров в кяхтинско-монгольской торговле увеличилась в среднем в 2,5 раза. Увеличение объема закупок определялось не только насущными бытовыми потребностями, но и выгодностью их условий. Стоимость и строевого леса, и дров была ниже, чем в Забайкальском лесничестве. Как пишет в своих воспоминаниях Ю.Д. Талько-Грынцевич, плата за собственноручно лес, даже самого высшего качества не взималась – монголы его «считали общим добром», поэтому оплачивалась только работа – рубка и перевозка, правда стоимость работ постепенно возрастала. Происходило это еще и потому, что частые пожары сокращали лесные площади не только вокруг Троицкосавска, но и в Монголии [17, С. 49].

Большим спросом пользовалось монгольское сено. Русские и буряты предпочитали приобретать сенокосные участки в долинах рр. Орхон, Селенга, Иро, Букулей и Киран. Причем, по мнению современников, лучшим сеном считалось киранское. Сенокосный пай обходился русскому арендатору в 3-5 руб. Косили преимущественно сами покупатели, лишь иногда прибегая к помощи монголов, т.к. считали их неумелыми косцами. Почти две трети всего сена, накашиваемого в ближайшей полосе Монголии, использовалось в Троицкосавске и Кяхте. По данным официальных источников, объем лесной торговли в 1890-х гг. в среднем составлял 80-86 тыс. руб., а сеной – 74,5 тыс. руб. [6; 14, С. 323].

В отличие от эксплуатации растительного богатства приграничной полосы Монголии, использование животного мира носило по преимуществу бытовой характер. Охотой в Забайкалье и Монголии «по перу и по зверю» занимались круглогодично, причем по большей части охотники-любители (как «промысел» охота была незначительной). Это неслучайно, охота и рыбная ловля рассматривались забайкальцами как своеобразный вид спорта. Каждому времени года соответствовал свой вид охоты, забайкальцы были знакомы с 6 видами охоты и 5 рыбной ловли. Фауна Монголии и Забайкалья была разнообразна. В разных источниках упоминается до 15-18 видов крупных и мелких животных, до 15 видов птиц. Основным объектом промысловой охоты был изюбрь, рога которого высоко ценились в Китае, сопутствующим – медведи, козы, лисицы, сохатые. Основной контингент городских охотников пограничной полосы – жители Троицкосавска, для которых «места эти по обилию и разнообразию дичи являются охотничьим эльдорадо». «Охота ... занимала видное место в жизни большинства кяхтинцев. Они были почти все охотники, а некоторые из них, как И.Д. Сеницын, В.Л. Молчанов, В.А. Собенников, имели на своей душе грех в убийстве двух-трех десятков медведей» [11, С. 83].

Охота на изюбря (совместно с монгольскими промышленниками) проводилась во время спаривания («на рев»). На медведей, как профессионалы, так и охотники-любители охотились исключительно «на берлогах». Здесь по описаниям современников, использовались четыре основных метода: «привязывали» (заваливали вход в берлогу камнями, чтобы медведь мог только высунуть голову), выпускали из берлоги и потом стреляли, «били... ходом» (облавная охо-

та) и на солонцах – самый опасный вид охоты, т.к. проводилась она ночью, а охотник «пристраивался где-нибудь поблизости..., в темные ночи приходилось стрелять на авось – по направлению шума, ворчания зверя» [12, С. 275]. На такую охоту никогда не ездили в одиночку.

Монголы старались принимать активное участие в русской охоте, ведь нашедшему берлогу уплачивалось 20-25 руб. [11, С. 85], при каждой облавной охоте с участием 10-15 человек монголы-загонщики или уставщики получали 10-50, иногда и более рублей за один-два дня. По свидетельствам современников, китайцы и монголы не препятствовали русской охоте на своей территории, плата за нее в монгольских лесах и степях не взималась, кроме оплаты разных мелких услуг. Тем не менее, российские охотники особенно городские, делали это добровольно или одаривали монголов, что приносило ощутимый доход последним. Кроме того, гостеприимство «русских охотников в пределах Монголии настолько связало понятие монгола с представлением об охотнике..., что редкая охотничья стоянка не посетится ими в надежде получить угощение, а иногда и деньги... большинство охотников относится к ним всегда с одинаковым радушием, что, конечно, немало ценится монголами. Те же гостеприимство и хорошее отношение получают, в свою очередь, и охотники, если им придется заехать в юрту даже и незнакомого монгола...» [12, С. 275].

Ранней осенью – зимою охотились облавно на коз и наездом или нагоном на лошадях на дроф. Наиболее популярным видом была степная охота на дзеренов (сайгу). Причем кяхтинцы полагали своим долгом устраивать такую охоту для гостей слободы. Технологию охоты воспроизводит в своих воспоминаниях зять кяхтинского купца А.М. Лушников И.И. Попов, упоминает о ней в своих письмах к супруге издатель газеты «Байкал» «нерчуганин» И.В. Багашев [11, С. 85; 8, л. 241].

Лучшим охотничьим местом на водоплавающую дичь безоговорочно признавалась р. Бура с массой озер и болот в двадцати верстах от Кяхты. «Никогда в жизни, пишет И.И. Попов, я не видел такого множества разной птицы, как весной и осенью на Буре. Круглые сутки днем и ночью тянулись вереницы гусей, уток, лебедей, журавлей и всякой другой птицы. Птичий гомон не прекращался ни на минуту и особенно усиливался ночью. Утки, летая над нами, буквально задевали палатки... птицы слеталось так много, что истребить ее было невозможно» [11, С. 83-84].

Живя длительное время вблизи друг от друга русские хорошо изучили традиции приграничного народа и «во избежание неприятностей и, не желая обострений, обыкновенно старались, по возможности, не охотиться вблизи дацанов, в особенности в дни буддийских праздников» [12, С. 276].

Рыбный промысел по рекам и озерам Монголии не считался особенно доходным. Занимались им соседние крестьяне и старообрядцы не столько ради продажи, сколько для своих потребностей. Рыболовство велось с ранней весны до рекостава. Средний улов рыбы на артель в 10-15 человек в хорошие годы составлял за два периода 30-40 пуд. Кяхтинцы «на рыбную ловлю ездили в

Монголию, в верховья Кирана, где водились хариусы – форели». Их ловили исключительно на удочку [11, С. 87]. Рыбопромышленники обыкновенно уплачивали монголам за право ловли 10-15 руб. за каждый свой приезд, любители же, как и ружейные охотники, рыбачили бесплатно, одаривая изредка монголов или чаем, или чем-либо из съестного. Сами монголы рыбной ловлей не занимались и так же, как буряты, очень редко употребляли рыбу в пищу.

Близость к границе обширных угодий давала русскому и бурятскому населению подспорье в хозяйстве. Буряты нередко заходили со своими табунами на монгольские пастбища, а русские часто отдавали своих лошадей на прокорм монголам и в большинстве случаев бесплатно.

Жившие в приграничной зоне нередко вывозили из Монголии гуджир и самосадочную соль. Являясь основным консервантом, соль в Забайкалье вырабатывалась в количестве, не удовлетворявшем бытовые потребности населения, поэтому монгольская, часто бесплатная соль была незаменима.

Не стоит забывать о том, что приграничные контакты были двухсторонними, и монголы, хотя и не занимались хозяйственной деятельностью на территории России, проникали сюда в качестве торговцев или сопровождая караваны с товарами, возы с сеном или дровами. Несмотря на дружественные отношения и близкое соседство, монголы в редких случаях оставались подолгу в пределах Забайкалья, ограничиваясь исключительно временными наездами по своим делам, бывая чаще за покупкой необходимых товаров в Кяхте [14, С. 45]. Исключением в этом ряду можно назвать посещения Забайкалья священнослужителями и проживание бедных монголов, нанявшихся к крестьянам и бурятам в пастухи или работники. Монголы старались не заезжать в отдаленные пункты Забайкалья, кроме соседних Троицкосавска и Кяхты, чего нельзя сказать о китайцах.

Их опорный пункт Маймачен – располагался в нескольких километрах от Кяхты на монгольской границе и предназначался для ведения торговли и временного пребывания купцов, хотя большинство населения оставалось здесь навсегда, каждое трехлетие выезжая на годовой отпуск. В течение второй половины XIX – начала XX в. наблюдалось увеличение численности китайцев, поэтому можно предположить, что формирование поселения и сосредоточение в пограничной зоне подданных Китая было одной из возможных форм колонизации территории Забайкалья. К этому выводу подводит и факт разрешения переселяться в Маймачен только после освоения русского языка, а также отсутствия женского населения в городе, что заставляло китайцев выстраивать семейные отношения с монголками, бурятками, русскими.

На протяжении второй половины XIX – первой половины XX в. облик Маймачена, предназначенного для крупных торговых сделок, не изменился, в описаниях современников, посетивших его в разное время, встречаются лишь дополнительные детали [Д. Стахеев, 1865, 1895; Н. Ядринцев, 1889; И. Попов, 1925; Ю. Талько-Гринцевич, 1929]. Городское общество делилось на несколько торговых фуз, организованных почти на артельных началах, где каждый их член участвовал в доходах фирмы со времени деятельного участия в ее торго-

вых делах. При активной деятельности можно было подняться на более высокую ступень (купля – продажа товаров), что сулило материальное благополучие – получение доли прибыли от оборотов фирмы. Длительная торговая деятельность русских и китайских купцов сформировала специфический язык и определенные традиции. В частности, каждая китайская фирма при заключении торгового договора с кяхтинской фирмой обязалась давать несколько обедов ежегодно для кяхтинцев, а иногда и их гостей.

Путем точечного расселения китайцы освоили почти всю территорию Забайкальской области, проникая даже в самые отдаленные места и обустроявая свою торговлю. По данным издания «Вся торгово-промышленная Россия» за 1913 г., в Чите располагалось 4 лавки, 1 – в Акше, 4 лавки и универсальных магазина в Баргузине, 6 лавок в Верхнеудинске и 2 в уезде, 2 чайных, 2 лавки и фотография в Нерчинске, 3 азиатских товарищества, 4 лавки в Селенгинске и 2 в уезде, 9 лавок в Троицкосавске и 1 в уезде [5, ст. 982 - 1005]. Все перечисленные торговые точки располагались в арендованных помещениях и продавали мануфактуру, чай и китайские изделия, хотя следует признать это не полный список всех китайских заведений. Китайцы сконцентрировали свое внимание на совершенно свободной в то время нише – сервисно-бытовом обслуживании – обустроявали прачечные, проводили ассенизационные работы.

Несмотря на то, что современники писали об отсутствии влияния российских подданных на культурный уровень монголов, в программу пребывания их в Троицкосавске входило посещение музея при отделении Императорского Русского Географического общества (ИРГО), который пополнялся, в том числе и монгольскими этнографическими коллекциями, собранными российскими путешественниками-исследователями и его непосредственными сотрудниками. В 1899 г. Ургу посетил со служебной командировкой Ю.Д. Талько-Грынцевич (правитель дел Троицкосавского отделения ИРГО): «я имел свободное время, изучал монголов, собирал коллекцию для кяхтинского музея... Несколько раз... наши, в окрестностях Урги собирали богатый материал» [17, С. 69]. В 1902 г. ИРГО высоко оценил результаты исследования Южного Забайкалья и сопредельной Монголии М.И. Моллесона и П.С. Михно, наградив их малыми серебряными медалями [3, 6 февр.]. К 1914 г. этнографическая коллекция включала в себя 3240 экспонатов. По имеющимся сведениям, в 1898 г. только за один день пасхальной недели музей посетили около 100 бурят и монголов, что составило 17 % всех посетителей; в 1901 г. – 51 монгол, а в 1903 г. «публика посещала музей в большом числе, преобладающий элемент составили китайцы и монголы» [1, 19 апр.; 2, 26 янв.; 18, С. 135]. Подтверждает эту информацию Ю.Д. Талько-Грынцевич, который, вспоминая о музее, среди его посетителей упоминает монголов и тибетцев [17, С. 64]. Интерес представляет факт того, что активный приток посетителей-монголов происходил, когда экспонировались новые китайские артефакты, т.е. русский музей становился местом межкультурного, международного общения, а Троицкосавск-Кяхта реально выполнял функцию трансграничья.

Восприятие, узнавание и усвоение осуществлялось по всему культурному полю, на всех уровнях культуры. Поэтому стоит отметить еще один аспект взаимодействия – совместное празднование национальных праздников, в данном случае речь идет о китайских новогодних праздниках. «Белый месяц» включал в себя три праздника – новый год, «Счастливым день», «Праздник фонарей», которых с нетерпением ждали не только жители Маймачена, но и жители Троицкосавска/Кяхты, готовились к ним и принимали участие во всех ритуалах: посещение храмов, жертвоприношения, обед, шествия и т.д. Причем кяхтинцы хорошо знали правильность и последовательность проведения церемоний, ход которых изучили за длительный срок межкультурного общения, и благодаря тщательным описаниям в газете «Байкал». В это время происходил наиболее активный обмен визитами, подарками и угощениями. В собственно культурном плане заслуживает внимания посещение традиционного театрального представления. Оно, безусловно, специфически национальное, но для жителя отдаленной окраины из низшего сословия, где ближайший театр находился по другую сторону Байкала, где любители театрального искусства лишь изредка устраивали спектакли с достаточно дорогими билетами (на благотворительные нужды), эти бесплатные зрелища имели немалое значение. Как вспоминал Д. Стахеев, «наши русские рабочие... всегда с восторгом рассказывают потом о своих впечатлениях» [16, С. 207].

Длительное сосуществование, выраженное в различных направлениях сотрудничества, общие интересы монголов с русскими соседями, благодаря взаимным уважению, гостеприимству, не вызывали осложнений. Дружба и хорошие отношения жителей Забайкалья с монголами пограничной полосы и китайцами Маймачена составляли не только стратегическое, но и экономическое и в определенной степени культурное значение.

Литература

1. Байкал. – Троицкосавск. – 1898. – № 16.
2. Байкал. – Троицкосавск. – 1903. – № 1.
3. Байкал. – Троицкосавск. – 1903. – № 2.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 13907.
5. Вся торгово-промышленная Россия. – Киев: Книгоизд-во Т-ва Л.М. Фишева, 1913.
6. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 68. Л. 25-26; Д. 112. Л. 126-127; Д. 232. Л. 1-118.
7. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 232.
8. ГАЗК. Ф. Р-1661. Оп.1. Д. 4, т. 2.
9. Забайкальские ведомости. – 1897.
10. Материалы для описания Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле - октябре 1912 г. Генерального штаба подполковника Полтавцева. – Иркутск, 1913.

11. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и ссылка. Воспоминания за 50 лет. – М, Л., 1924. – 215 с.
12. Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Западного Забайкалья / Г. М. Осокин. – СПб., 1906. – 312 с.
13. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1892 заводском году. – СПб., 1895. – С. 59, 64.
14. Свечников А.П. Русские в Монголии / А.П. Свечников. – СПб., 1912.
15. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 год. – Томск, 1898.
16. Стахеев Д. Очерк VIII. Кяхта / Д. Стахеев // Живописная Россия. – СПб., 1895.
17. Талько-Грынцевич Ю. Д. Сибирские страницы жизни / Ю. Д. Талько-Грынцевич. – Чита, 2000. – 96 с.
18. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. – Иркутск, 1902. – Т. III, Вып. 2 и 3.

Паликова Татьяна Вадимовна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ.

Palikova Tatyana – Doctor of Historical Sciences, lecturer of department of General and Native history of Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 271.1

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-11-17

© С. В. Васильева

Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение

В статье освещена проблема переселения старообрядцев на территорию Забайкалья в имперский, советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется внутренним миграционным потокам старообрядцев, происходившим в условиях нового политического режима. На основе компаративного анализа архивных материалов показаны двойственность государственной политики, которой оно руководствовалось при переселении старообрядцев на окраины Дальнего Востока России. В заключении автор приходит к выводу о том, при расселении на новые территории старообрядческие сообщества были включены в сложные процессы адаптации, создавая компактный ареал проживания и интегрируя с поликонфессиональным окружением.

Ключевые слова: империя, старообрядчество, переселение, ссылка, Сибирь, компактность, адаптация, поликонфессиональность, самобытность, культура.

© S. Vasilieva

Old Believers on periphery of Russia: the forced mobility or migratory move

The article highlighted the issue of resettlement of the Old Believers in the territory of the periphery of Russia. Also highlight the dual motives of the state in which it was guided in the relocation of Old Believers to the Asian margin. Said an intensive resettlement of Old Believers in the Far East. Highlights the oppression of this group of post-revolutionary society.

Key words: Empire, the Old Believers, relocation, link, Siberia, compactness, adaptation, polyconfessional, identity and culture.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий, укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов. Если в центре Российской империи все еще опасались вредного религиозного влияния старообрядцев, то окраинные власти поощряли переселение старообрядцев, отмечая их высокий колонизационный потенциал, цenia их способность хранить «облик чистых великороссов». И хотя правительство заботилось о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения, старообрядцы стремились найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни, шли разными путями и сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что их сближало.

Исследователи выделяют три потока появления староверов. К первому относились представители русского населения Забайкалья, которые на момент раскола проживали в крае, не участвовали в принятии реформ церкви и остались «при старой вере», так называемый местный или «явный и тайный раскол» [1]. Ко второму потоку относились староверы, которые самовольно бежали в Сибирь, считая, что контроль государства здесь был более слабым. К третьему принадлежали ссыльные старообрядцы, которых приводили в регион, как поодиночке, так и большими группами. К такой группе можно отнести «водворение» на территорию Забайкалья в 60-е г. XVIII в. старообрядцев-семейских, которые в силу своей многочисленности, сплоченности и яркой культуры в дальнейшем составили компактный ареал старообрядцев Байкальского региона.

Однако в целом число староверов в Байкальском регионе и его сопредельных территориях было невелико. В конце XVII в. в Прибайкалье и Забайкалье их насчитывалось чуть более 50. Течения и согласия староверов только начали оформляться, поэтому в религиозном плане старообрядчество в крае выглядело аморфно, в 60-е годы XVIII в. процесс санкционированного переселения приобрел систематический и массовый характер. Из двух десятков партий, высланных по этапу в Забайкалье, на территории трех волостей было расселено около 5000 староверов, а в конце XVIII в. старообрядцы уже были сосредото-

чены в двух уездах и трех церковных приказах Забайкальской области (по административному делению того времени), где числилось 2437 душ мужского пола и 2778 женского пола. Они проживали в 709 дворах, расположенных в 30-ти деревнях. На территории Байкальского региона старообрядцы, в основном крестьяне, появились в середине XVIII в. Архивные документы подтверждают, что большинство староверов, переселенных из Польши в Забайкалье, принадлежало к поповскому направлению и лишь незначительная часть – к беспоповскому [2]. Вероисповедная принадлежность к старообрядческим толкам в XVII в. и первой трети XVIII в. была слабо выражена. Это было связано, во-первых, с тем, что для начального этапа расселения старообрядцев в регионе было важно образовать территориальный, обособленный компактный ареал от всего остального населения, во-вторых, в этот период отсутствовала единая церковно-административная система управления старообрядцами Восточной Сибири. Разделение на согласия ощущалось в XVIII–XIX вв. По волостям и селениям последователи разных толков группировались неравномерно. Несмотря на то, что «семейские» были выходцами из разных районов и областей России, разных территорий польских пределов, в Забайкалье они стремились преодолеть этнокультурные различия. Объединяло их в этом случае этноконфессиональное самосознание и специфический этноним – «семейские».

Необходимо отметить, что расселение старообрядцев в Забайкалье было вовлечено в разнонаправленные процессы. В самом начале для них важно было образовать компактный ареал, обособленный от всего остального населения территориально. И это им вполне удалось – Тарбагатайская, Мухоршибирская, Брянская волости были заселены преимущественно семейскими. Правительство определило общие правила поселения старообрядцев в Байкальском регионе. Первые три года они освобождались от налогов, затем обязаны были его выплачивать наравне с другими поселенцами.

К концу 1760-х гг. относится первое упоминание о вновь образованных селах: Бичура, Хароуз, Никольск, населенных староверами. Были образованы старообрядческие села Хандагай (1768), Пестерево (1768), Тарбагатай (1776), Убукун (1780), Барская деревня (1780), Урлук (1780), Малый Заган (1782), Шаралдай, Подлопатинская деревня (1782) [3].

Используя архивные документы, нам удалось отметить, что уже в 30-е годы XVIII века количество старообрядцев Забайкалья составляло около 80% от общего числа старообрядцев Восточной Сибири [4]. Старообрядцы Байкальского региона представляли собой часть русского субэтноса, неравномерно распределенного по территории края, их численность постоянно возрастала в связи с миграционными процессами и естественным приростом населения. С середины XIX века начались и «дальние» миграции, когда старообрядцы Забайкалья большими партиями перемещались на север Сибири и Дальний Восток.

История переселения старообрядцев на Дальний Восток довольно сложна. Причин к перемене места жительства у них было много: гонения за веру и малоземелье на прежних местах проживания, стремление уйти подальше от

«мирского» прессинга, уединиться, жить в чистоте и в согласии со своей верой; в годы советской власти – преследования за религиозные убеждения и коллективизация, которую старообрядцы не признавали. Привлекательными в переселении сибирских и алтайских староверов были пушные и рыбные богатства дальневосточного региона.

Немало старообрядцев двигалось на восток и в поисках крестьянской утопической страны – Беловодья. Поиски обетованной земли с белыми водами не раз уводили староверов в неизведанные восточные земли, например, на Японские острова, окруженные со всех сторон морем, постоянно вспенивающимися белыми барашками волн. За период 1857-1867 гг. из Забайкалья в Приамурье были переведены 13889 душ обоюбого пола. Отсюда же на освоение Приморья в последней трети XIX века ежегодно отправлялись в среднем 3 тыс. человек» [5].

В Приамурье старообрядцы интенсивно стали переселяться в 60-е годы XIX в. Они селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми были старообрядцы-беглопоповцы, прибывшие из близлежащего Забайкалья, так называемые семейские.

В отличие от приверженцев официальной церкви старообрядцы на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей делало старообрядцев весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров фронта. Несмотря на антигосударственные настроения, старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности.

Наиболее благоприятный период в истории старообрядчества наступил после принятия Николаем II 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», провозгласившего свободу вероисповедания.

После Октябрьской революции старообрядцев коснулись практически все кампании репрессий: были закрыты монастыри, ликвидирован единственный старообрядческий духовный институт, прекратилась издательская деятельность, перестали существовать иконописные мастерские, благотворительные заведения. За период с 1917 по начало 1980-х гг. старообрядческие сообщества лишились основных институтов Древлеправославной церкви.

Старообрядчество изучаемого региона исторически не было единым церковно-религиозным институтом. Эта разъединенность сохраняется, присутствует и выражается в формировании самостоятельных церковно-административных митрополий. Сегодня древлеправославие Байкальского региона канонически и административно представлено двумя иерархиями:

1. Русская Православная Старообрядческая Церковь (РПСЦ), приемлющих Белокриницкую иерархию. По церковно-административному делению старообрядческие приходы белокриницкого направления в начале XX в. входили в Иркутско-Амурскую и всего Дальнего Востока епархию, учрежденную в 1911 г. освященным собором Белокриницкой церкви. С момента образования в ее состав входили старообрядческие приходы Иркутской, Забайкальской, Якутской, Амурской, областей и всего Дальнего Востока, а также те пределы Манчжурии, которые входили в административный округ епархии – Харбин, Хайлар, Верхние-Кули [6]. В России название существовало с сер. XIX в. по 1988 г. Старообрядческие приходы Белокриницкой церкви входят в состав обширной Новосибирской и всея Сибири и Дальнего Востока епархии. В Иркутской области Белокриницкую иерархию представляла Покровская старообрядческая община г. Иркутска, которая была закрыта 11 января 1938 г. [7].

Данное направление в Республике Бурятия официально представлено – 2 зарегистрированными приходами в с. Тарбагатай, Улан-Удэ (Верхнеудинская старообрядческая община). Незарегистрированные действующие общины: с. Десятниково, Нижний Жирим, с. Вахмистрово (Тарбагатайского района), с. Ягодное (Селенгинский район).

В Забайкальском крае - Древлеправославная общины с. Доно Калганский район (1994-1996), с. Черемхово Красночикоийский район (1995-2006 гг.); г. Чита - Древлеправославное братство во имя св. Архистратига Божия Архангела Михаила (1996-2004 гг.)

2. Русская Древлеправославная церковь – официальное название потомков поповцев, не принявших в 1846 г. белокриницкую иерархию, но 4 ноября 1923 г. создавших свою митрополию в России (РДЦ). В юрисдикцию РДЦ входят приходы на территории России, в странах СНГ и за рубежом. Духовным центром церкви является г. Новозыбков Брянской области, где находится резиденция ее главы.

Древлеправославная архиепскопия Ноовозыбковской иерархии представлена в Иркутской области: г. Иркутск. Древлеправославный приход во имя Преподобного Феодосия Печорского (16.05.2010 г).

В Бурятии: местными религиозными организациями, входящими в состав Сибирской Епархии РДЦ. Резиденция Сибирской епархии находится в г. Улан-Удэ. Последователи новозыбковского направления в республике насчитывают 5 зарегистрированных приходов: в честь рождества Христова (Улан-Удэ), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Бичура), в честь святителя Христова Николая (с. Куйтун), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Новый-Заган), в честь святителя Христова Николая (с. Тарбагатай).

Без регистрации на территории республики действуют старообрядческие приходы (РДЦ): старообрядческая община с. Сутай Мухоршибирского района, старообрядческий приход с. Хасурта Хоринского района. Древлеправославный приход с. Шаралдай Мухоршибирского района, Шаралдайская древлеправославная церковь святых всехвальных верховных апостолов Петра и Павла.

Особенностью старообрядчества в Бурятии является то, что оно функционирует в условиях поли- и этноконфессиональности. Надо отметить и тот факт, что старообрядческая деноминация, ставшая заметным явлением общественной жизни России с последнего десятилетия XX в., представляет собой и культурно-исторический феномен, различные формы проявления которого можно обнаружить на всем протяжении истории Бурятии. Для сохранения своей традиционной культуры семейские в настоящее время активно сотрудничают с органами государственной власти. Одним из успехов такого сотрудничества можно считать, во-первых: проведение I Съезда семейских (1993), во-вторых: разработку и утверждение Правительством Республики Бурятия в 2001 г. республиканской целевой программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001-2006)» [8].

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности. В иерархии идентичностей конфессиональный фактор явно уступал национальному, именно это определило впоследствии специфику и уникальность старообрядчества Байкальского региона. Общая старообрядческая (официальная и неофициальная) статистика свидетельствует об увеличении числа старообрядческих объединений в рамках исторического ареала районов компактного проживания потомков старообрядцев (семейских). Необходимо отметить, что для старообрядцев Байкальского региона остается смысл существования не столько в экстенсивном росте, сколько в сохранении того, чем они уже владеют.

Литература

1. Костров А.В. Старообрядчество Байкальской Сибири в переходный период отечественной истории (1905-1930-е гг.). - Иркутск, 2010. – С. 96.
2. Васильева С.В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX – XXI в. / С. В. Васильева // Вестн. Бурят. госуниверситета. Сер. История. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. – Вып. 7. – С. 41-44.
3. НАРБ, фонд 337, опись 6, дело 251, л. 27.
4. Васильева С.В. Конфессиональный корпоративизм и соборность старообрядцев в Байкальском регионе / С. В. Васильева // Гуманитарный вектор. – Чита, 2011. – С. 169.
5. Алексеев В.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX в. - М., 1985. - С. 137, 146.
6. Васильева С.В. Документы национального архива Республики Бурятия о старообрядчестве в Харбине в 1920-1930-е годы / С. В. Васильева // Отечественные архивы. – М., 2010. – № 4. – С. 65.
7. Васильева С.В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX – XXI в. / С. В. Ва-

Васильева // Вестн. Бурят. госуниверситета. Сер. История. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. – Вып. 7. – С. 41-44.

8. Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦСОРАН, 1999. – С. 18.

Васильева Светлана Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Vasilieva Svetlana – Doctor of Historical Sciences, lecture of Department of General and Native History, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 94(517.14)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-17-22

© О. Н. Горковенко

Социальное неравенство в Бурятии в конце XX – начале XXI в.

Данная статья посвящена социальным процессам российского общества в условиях трансформации. Переход России к рынку привел к глубочайшей дифференциации общества и обострил экономические, политические и социальные проблемы. Социальное неравенство – это серьёзная проблема развития российского общества и страны в целом. Ключевые тенденции развития и существования социальной сферы направлены лишь углубление дифференциации, вследствие и маргинализации части населения. Происходит наложение новых форм социального расслоения на существующие в связи с чем, группа маргиналов только увеличивается. Результатом является непреодолимая разница доходов необеспеченных слоёв населения от немногочисленного верхнего слоя. Практически непреодолимым становится разрыв этих слоёв в возможностях доступа к ресурсам культурного и интеллектуального развития. Характер социального неравенства формирует отношение к труду, мотивирует на разного рода конфликты, приводит к разногласию и разобщённости в обществе.

Ключевые слова: социальное неравенство, общество, трансформация, рыночные отношения, дифференциация, маргинализация общества, верхний слой, качество жизни.

© O. Gorkovenko

Social inequality in Buryatia at the end XX - beginning XXI century

This article is devoted to the social processes of Russian society in transformation. Russia's transition to a market economy has led to a profound differentiation of society and aggravated the economic, political and social problems. Social inequality - is a serious problem of Russian society and the country as a whole. Key trends and the existence of social services aimed only deepen differentiation and marginalization due to the population. There is an imposing new forms of social stratification existing in this connection, the only group of marginal increases. The result is an unbridgeable difference unsecured income segments of the population on a few of the top layer. Almost insurmountable gap of these layers become in access to resources, cultural and intellectual development. Nature of social inequality generates attitude to work, to motivate all sorts of conflicts, leading to disagreement and disunity in society.

Keywords: social inequality, society, transformation, market relations, differentiation, marginalization of society, the top layer, the quality of life.

Последние двадцать лет – это сложнейший и противоречивый период в жизни нашей страны. Переход к новым общественно-экономическим отношениям осложнён множеством неожиданных факторов. Ментальность советского человека не принимала и не одобряла такие рыночные отношения. Однако, несмотря на коммунистические идеалы, всё дальше уходит в прошлое презрение к деньгам. Новое поколение видит в деньгах средство и цель жизни. Деньги становятся мерилем успеха в современном российском обществе. Процесс перехода к рынку является закономерным и сложившаяся ситуация стала для России неординарным явлением. Сегодня у всех есть мобильные телефоны, а не так давно это считалось роскошью. В 2000 годы они были лишь у 11% счастливых обладателей, в основном живущих в Москве. В 1990-е годы лишь единицы имели компьютеры, которые стоили целое состояние. Сегодня компьютерная техника доступна основной части работающего населения. В 2011 году около 7 миллионов россиян отдохнули за рубежом, тогда как всего 10 лет тому назад 800 тысяч человек. Двадцать первый век дал возможность приобрести собственное авто. Более 2 миллионов человек купят новые автомашины, а в 2000-х годах около 600-800 тысяч, при этом надо иметь в виду, что основная часть этих автомобилей в прошлом были подержанные. Также, нельзя не обратить внимание на внешний облик современного человека большинство населения страны достаточно хорошо и модно одеты.

Последние 10 лет люди стали ощущать некую стабильность в плане выплат заработной платы, социальных пособий, в том числе пенсий и стипендий. Большинство работающего населения страны может позволить в кредит приобрести необходимую бытовую технику и новую мебель.

Без тени сомнений это позитивные моменты рыночных реформ, но радикальных изменений не случилось. Большинство граждан живут в тех же квартирах, что и 10 лет назад, на новых автомобилях мы ездим по старым дорогам. В России стало меньше аэропортов, а самолёты перестали производиться, мы покупаем технику за рубежом. Качественные характеристики здравоохранения и образования далеко не самые лучшие.

Экономические реформы стали результатом глубокого социального неравенства. Обращение к этой проблеме позволяет создать реальную картину социальных изменений в обществе, но выявить качественную сторону этого вопроса достаточно затруднительно. К сожалению, официальная статистика не дает полной информации по данной проблеме. Рассмотрение данной проблемы именно в этом русле даёт возможность оценить качество и уровень жизни населения жителей Бурятии и всей страны в целом. Социальное неравенство тесно связано с понятиями «уровень жизни» и «качество жизни». Следует отметить, что в литературе определения этих понятий часто считают синонимичными, взаимозаменяемыми. Тем не менее, понятия эти стоит различать. Уровень жизни — более узкая категория, чем качество жизни. «Он определяется условиями существования человека в сфере потребления и измеряется через социально-экономические показатели благосостояния людей» [1]. Эти показатели включают в себя доходы, потребление, жилищные условия, услуги образования, здравоохранения и др. Они могут рассматриваться как через систему статистических показателей, так и через систему субъективных оценочных суждений.

Качество жизни включает в себя целый комплекс условий жизнедеятельности человека, в том числе и уровень жизни, а также составляющие, которые характеризуют экологическую среду обитания, социальное благополучие, политический климат, психологический комфорт и др. Многие авторы, например, Л. А. Беляева, В. Н. Бобков, утверждают, что для измерения качества жизни недостаточно только статистических показателей, необходимы также субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей. Поэтому по своей природе качество жизни — это объективно-субъективная характеристика условий существования человека. «Качество жизни — комплексная характеристика жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе» [2].

Преимуществом анализа социального неравенства через категорию качества жизни состоит в том, что это интегральный показатель (он может включать в себя от нескольких до десятков показателей), который характеризует динамику изменений за отдельные периоды, а также позволяет анализировать отдельные компоненты качества жизни.

В агрегированном показателе - индексе развития человеческого потенциала, разработанном ООН для сравнения стран по уровню и качеству жизни, сегодня применяются три частных индекса:

1. индекс дохода;
2. индекс образования;
3. индекс долголетия.

Данная методика возникла как противовес традиционному пониманию развития как количественного роста материальных благ и услуг. В концепции во главу угла ставится не способность к производительному труду (т.е. экономическая ценность индивида), а саморазвитие человека через расширение возможностей выбора благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода. Человеческое развитие рассматривается как цель и критерий общественного прогресса, а не средство для экономического роста.

По комплексности составляющих ИРЧП факторов, впереди России находятся, такие страны, как Румыния, Болгария, Сербия. Лидирует же по основным показателям Норвегия, за которой следуют Австралия и Новая Зеландия.

Большое влияние на снижение индекса социального неравенства сыграл фактор ухудшения здоровья населения: «средняя ожидаемая продолжительность жизни, к примеру, в РФ упала с 69 лет в 1970 году до 67 в 2010 году. В Белоруссии она сократилась с 71 до 70 лет, а на Украине – с 71 до 69 лет» [3]. Уровень социального здоровья населения России затмевает успехи в экономическом развитии. Однако статистика определяет рост уровня грамотности и сравнительно высокие среднедушевые доходы: первый показатель вырос с 91% в 1970 году до 96% в 2010-м, а второй составил 11 462 доллара в год. Однако это в среднем, тогда как разрыв между отдельными странами огромен.

В России одна из бед – серьезное неравенство между регионами, которое отражается на итоговом индексе. В Москве ИРЧП – 0,929, в Калининградской области – 0,792, в Тыве – 0,717. Эксперты ООН отмечают: к 2008 году очень заметно выросла концентрация населения в регионах с высоким значением ИРЧП – люди стремятся туда, где лучше. Для России это территории с индексом выше 0,800 [4]. Если в 2006 году менее четверти населения РФ жили в регионах с высоким уровнем развития, годом позже – треть, то в 2008 году – уже более половины, и это важнейшее следствие десятилетия экономического роста. В Бурятии миграция населения в другие более благоприятные и перспективные регионы прослеживается в основном у молодёжи. Огорчает то, что регион не привлекает самую динамичную социально-демографическую группу населения. В период экономического роста 2000–2008 годов неравенство по доходу росло почти во всех регионах. К сожалению, многие регионы России не имеют сопоставимых финансовых ресурсов для проведения социальной политики, поэтому в них негативный тренд поляризации населения по доходу сохранится и в перспективе. Мы не можем не оценить прогресса в развитии экономики и социальной сфере, но, к сожалению этих достижений недостаточно, чтобы сократить непрекращающуюся маргинализацию населения страны. По некоторым данным, в РФ 25% населения находится за чертой бедности.

Высоким остается в России гендерное неравенство в заработной плате, в 70% регионов оно за пять лет даже усилилось [5]. Не произошло заметного улучшения показателей заболеваемости и смертности от туберкулеза даже в более благоприятных для жизни регионах Европейской части РФ. В Республике Бурятия заболеваемость населения растет из-за худших условий жизни и социальной маргинализации населения. В Бурятии по сравнению с другими регионами округа общая ситуация не так плоха, что касается среднемесячного показателя заработной платы, мы занимаем достойное третье место после Красноярска и Новосибирска. Распределение сырьевой ренты в пользу более обеспеченных групп населения привело к росту поляризации по доходу почти во всех регионах и сокращению доли доходов беднейших 20% населения. Централизация налоговых доходов дает городам недостаточно средств на развитие городской среды, а федеральное финансирование переселения из ветхого и аварийного жилищного фонда пока не дало заметных результатов.

Например, исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН убедительно свидетельствуют, что сложившийся в России уровень социального неравенства «сдерживает экономическое развитие, способствует высокой смертности и снижению рождаемости» [6].

Неравенство групп населения по доходам составляет 18 раз, в то время как в среднем по стране более 15 раз. По этому показателю республика ближе к менее развитым регионам Приволжского ФО, тогда как в развитых Самарской области, Пермском крае, Башкортостане и Татарстане неравенство составляет 14-19 раз. Отраслевые различия в заработной плате стали одним из важнейших факторов неравенства доходов населения. Отставание оплаты труда в отраслях социальной сферы и агросекторе сопоставимо со средним по стране. Территориальные различия в оплате труда в промышленности проявляются довольно четко и зависят от специализации районов республики Бурятия. Большая часть малообеспеченных жителей республики сконцентрированы в сельской местности и малых городах из-за отсутствия рабочих мест, а вследствие этого массовой алкоголизации населения. Все еще высок уровень бедности в некоторых социальных группах (одиноким пенсионеры, многодетные и неблагополучные семьи). Для решения социальных проблем населения Бурятии необходимы комплекс мер, программ по сокращению социального неравенства, тем более, что это происходит в период ещё действующего экономического кризиса.

С 2002-2008 гг. анализ уровня жизни и доходов в Республики Бурятия свидетельствует о небольшом сокращении доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (13,5%). Уровень социального здоровья населения республики является серьёзной проблемой, требующей незамедлительного решения.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/index.php

2. ПРООН опубликовала Индекс развития человеческого потенциала за 2010 год. URL: <http://hdr.undp.org/en/media/PR3-HDR10-HDI-R.pdf>
3. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпритации. - М.: Социс, 2009 - № 1.
4. Златковский М. Вперед – в девяностые! «НИ». [Электронный ресурс]. <http://www.newizv.ru/news/2010-11-08/13599>
5. Бобков В. Влияние кризиса на уровень и качество жизни // Экономист. - 2010. - N 4.
6. Бобылев С. Н. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. - М., 2010.

Горковенко Оксана Николаевна – аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, e-mail: oxana-nik@inbox.ru
Gorkovenko Oksana - a postgraduate student, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: oxana-nik@inbox.ru

УДК 94(571.54)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-22-48

© Н. В. Цыремпилов

Кудунская теократия Лубсан-Самдан Цыденова: истоки, содержание и хронология событий

В статье на основе монгольских и тибетских письменных источников, а также неизвестных ранее архивных материалов подробно излагается история возникновения и гибели проекта буддийской теократии в российском Забайкалье в годы Гражданской войны и ранний период существования Дальневосточной республики. Дается анализ юридических основ и административного устройства Кудунской теократии, а также его культурной основы. В статье делается вывод о том, что теократический проект Лубсан-Самдана Цыденова, авторитетного буддийского деятеля Бурятии, был уникальным явлением, поскольку совмещал в себе принципы европейского государственного устройства и буддийской идеи идеального дхармического государства. Кудунская теократия стала своеобразным ответом на светский бурятский национализм и автономистское движение, предложил альтернативу в виде государства, в котором скрепляющей силой должна была стать религия.

Ключевые слова: буддизм, буряты, Россия, Сибирь, теократия, национализм, Гражданская война, Дальневосточная республика, Цыденов.

Kudun theocracy of Lubsan-Samdan Tsydenov: origins, content and chronology of events

On the basis of Mongolian and Tibetan sources as well as hitherto unknown Russian archives the paper gives a detailed exposition of the history of establishment and demise of a Buddhist theocratic project in Russian Siberia in the period of the Civil war and early Far-Eastern Republic (the Kudun theocracy). The legal foundation and administrative structure of the Kudun theocracy as well as its cultural background is analyzed. The author comes to a conclusion that the theocratic project of Lubsan-Samdan Tsydenov, an authoritative religious figure in Buryatia was unique phenomenon as it combined premises of the Western state and Buddhist conception of the ideal Dharma state. The Kudun theocracy was a response to the Buriat secular nationalism and movement for political and administrative autonomy within Russia which offered an alternative in the form of a state with the religion as a consolidating force.

Key words: Buddhism, Buriats, Russia, Siberia, theocracy, nationalism, Russian Civil war, Far-Eastern Republic, Tsydenov.

В ноябре 1918 года, когда слухи о расстреле бывшего российского императора Николая II, его супруги Александры Федоровны и их детей распространились по стране, общество было ввергнуто в состояние шока. Вероятно, именно в этот момент многие осознали, что назад дороги уже нет и империю спасти нельзя. Среди этого числа оказался и бывший настоятель Кудунского дацана¹, одного из старейших буддийских монастырей, расположенного в центральном Забайкалье, а к тому моменту простой буддийский отшельник, – лама Лубсан-Самдан Цыденов. И пока официальные представители буддийской сангхи сохраняли надежду на реставрацию империи, устанавливая контакты с Советами, атаманом Семеновым или адмиралом Колчаком, Цыденов принял весьма неординарное решение – основать собственную монархию и отделиться от России. Так началась история одного из самых загадочных и малоизученных эпизодов в истории Гражданской войны в Сибири – Кудунской теократии Лубсан-Самдана Цыденова.

В этой статье я попытаюсь дать объяснение причинам, по которым обычный бурятский лама принял столь неординарное решение, восстановить ход его мыслей и упорядочить последовательность событий, приведших к возникновению этого государственного проекта. Мои интерпретации будут основаны на круге малоизвестных до сих пор источников, среди которых особое место занимает машинописная рукопись сотрудника Антирелигиозного музея г.

¹ Дацан (тиб. *grwa tsang*, досл. собрание монахов) – в бурятском языке буддийский монастырь. Кудунский, или Кижингинский, дацан (тибетское название Дечен Даши Лхунболинг), расположенный на р. Кудун (Худун), притоке р. Уда, был основан в 1758 году.

Верхнеудинск (Улан-Удэ) Ц.М. Очиржапова “Теократическое балагадское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку в 1917-1927 гг.”¹ В этом объемном очерке, напечатанном на печатной машинке на 92 страницах, автор скрупулезно описывает ход событий, имевших место в Хоринском аймаке Забайкалья в обозначенный им временной период. Несмотря на его ожесточенную предвзятость в оценке деятельности Лубсан-Самдана Цыденова и его сподвижников, изложенная автором хронология событий и масса важных деталей представляются мне достоверными. По счастливому обстоятельству в руки ко мне попала рукопись проекта конституции государства Лубсан-Самдана Цыденова на монгольском письме², которая проливает свет на то, какое политическое устройство задумывали его основатели. Я также использовал в данной работе записи Цыденова, которые он делал во время нескольких своих тюремных заключений в Верхнеудинске в 1921 году. Эти записи, выполненные на тибетском, монгольском и русском языках, включают различного рода выписки о государственных устройствах в различных частях мира, цитаты из буддийских сутр, жалобы и петиции в судебные органы³. Мною также использованы материалы, касающиеся более ранних лет жизни Цыденова, – тибетский текст его поэмы, описывающей торжества в честь интронизации Николая II, состоявшиеся в 1896 году, в которых Цыденов принял участие в качестве настоятеля Кудунского дацана и члена бурятской делегации⁴. Я выражаю особую

¹ Рукопись хранится в личном архиве автора. Далее: Очиржапов.

² Рукопись “Urida qori-yin ayimay-un buriyad qosiyun-ud-un medel-ün bayiysan-a tegüben oюoruүad edüge...” на серой русской бумаге формата 23x37 см занимает 2 листа (4 страницы). Текст написан коричневыми и синими чернилами монгольским вертикальным письмом. У рукописи нет титульной страницы. Документ включает 36 пунктов. В конце имеется приписка, которая в переводе на русский звучит: «Представлено святому Ламе Дармаранзе на утверждение». Далее следует список подписавших: Лама Доржин, Лама Цэдэбын, Гоншог Дараин, Дэмбэрэлын, Цэрэнпэлын, Гэнпэлын, Сундуйн, Аюушин, Бардуйн, Эрдэнин, Ринчинай, Очирын, Гэнин Цэваны, Цэдэбын, Доржин, Далайн, Цэдэнэй, Аюушин, Бунин, Доржин, Бадмын, Базаржабай. Далее: Конституция.

³ Архив Л.-С. Цыденова. Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии.

⁴ Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422. Рукопись, по всей видимости, является копией оригинала, переписанной позднее. Текст написан на ученической тетради в клетку в 20 листов, не считая обложки, на которой напечатаны изображения Ленина и Сталина, изготовленной Ленинградской бумажной фабрикой “Светоч”. На передней части обложки тетради простым карандашом поставлен номер – 57. Там же черной тушью от руки сделана следующая надпись: «“Теократизм” Рукопись Цыденова. [Далее неразборчиво] Жигжитова и Ринчинова [последнее слово перечеркнуто той же рукой]. Город Улан-Удэ. 1936 год». Название поэмы написано на стр. 1, обратная сторона которой пуста. Последующие три страницы аккуратно вырезаны ножницами или канцелярским ножом, однако основной текст начинается с начала и занимает все страницы тетради, кроме оборотной стороны последнего листа. Текст поэмы написан простым карандашом уставным тибетским шрифтом. Текст написан начисто с некоторыми исправлениями, сделанными с помощью ластика. Колофон сочинения расположен на ff. 16a–17a. В тибетском варианте поэма носит пространное название «Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия

благодарность своим коллегам Гончог Нямоциру, сотруднику Музея Богдогэгэна в Улан-Баторе, Цырен-Ханде Владимировне Очировой, директору Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (2005-2007 гг.) и Доржо Дугарову за помощь в поиске важных источников.

На пороге Гражданской войны

Автономисты и антиаймачники. Февральская революция 1917 года запустила в Забайкалье процесс самоорганизации бурят и движение за автономизацию. Созванный в апреле революционного года Первый общепурятский съезд учредил Пурятский национальный комитет, который определил задачу реорганизации булучных и волостных управлений и замены их на новые территориальные администрации по образу и подобию военно-административных единиц, введенных маньчжурами в Монголии еще в XVII веке – сомонов (стрел), хошунов (знамен) и аймаков (дивизий). Основной движущей силой движения за автономизацию бурят стали так называемые бурятские буржуазные националисты, наиболее известными представителями которых были социал-демократ Элбэг-Доржи Ринчино (1888-1938), общественный деятель Михаил Богданов (1878-1919), известные ученые Базар Барадин (1878-1937), Цыбен Жамцарано (1881-1942), Даши Сампилон (1891-1938), буддийский лама и дипломат Агван Доржиев (1856-1938) и другие.¹ Эту группу нельзя было назвать единой, но в целом ее члены сходились в необходимости обеспечения бурятам административной и культурной автономии в составе новой России. Обособленную от них группу составляли так называемые стародумцы (позднее антиаймачники), или сторонники реставрации Устава Михаила Сперанского от 1822 года². Стародумцы, в ряды которых входили бывшие чиновники Степных дум³ и часть буддийского духовенства, считали отмененную на стыке веков систему бурятского самоуправления отвечающей главным потребностям и чаяниям бурят. Лидером группы стародумцев был бывший тайша Хоринской Степной думы Эрдэни Вамбоцыренов.⁴ К этой же группе примыкала часть бурятского буддийского духовенства, которая также решительно выступала про-

на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, Царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называющаяся «Многократно взирающая на устранивших бенгальских и африканских львов в садах Джолоки». Далее: Новая песнь.

¹ Robert A. Rupen. *Mongols of the 20th century*. Vol. I. Bloomington, Indiana University, 1964. P. 42; История Бурятии: В 3 т. Т.3 – XX–XXI в. - Улан-Удэ, С. 29.

² Устав «Об управлении инородцев», разработанный в 1822 году сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским, определял систему управления неславянскими народами Сибири, в т.ч. бурят, на основе начал самоуправления.

³ Степные думы – органы самоуправления коренных народов Сибири, действовавшие с 1822 до периода конца XIX – начала XX в.

тив каких-либо изменений в многолетней системе бурятского светского и духовного самоуправления.

Создание органов бурятской автономии. Вопрос о реставрации Степных дум был поднят стародумцами во время работы Первого общепурятского съезда, который состоялся в Чите в первые месяцы после Февральской революции 1917 года. Тогда Э-Д. Ринчино удалось уговорить стародумцев не включать этот вопрос в резолюцию Съезда. Вместо этого Съезд постановил рекомендовать создать бурятскую автономию с делением ее на аймачные, хошунные и сомонные территориальные единицы иерархического подчинения. Высшим управляющим органом автономии стал Бурятский национальный комитет. В Хоринском аймаке Бурнацкомом было организовано 11 хошунов по числу родов, входящих в состав хоринских бурят-монголов.¹ Во время обсуждения резолюции Съезда небольшая группа депутатов-стародумцев во главе с настоятелем Кудунского (Кижингинского) дацана Гэнином Цыремпиловым и бывшим хоринским зайсаном² Бурнобадарой Далаевым выразила публичное недовольство использованием военной терминологии в наименовании территориальных единиц бурятской автономии. Она показала им пугающей и предвещающей грядущую военизацию бурят-монголов.³ Очевидно, претензии к наименованиям территориальных единиц были лишь внешним проявлением недовольства стародумцев ситуацией поворота Бурнацкома в сторону автономизации. Тогда на недовольство кижингинцев участники Съезда большого внимания не обратили. Многие видные представители стародумцев получили должности в аймачных, хошунных и сомонных управлениях, а лидер стародумцев-консерваторов Эрдэни Вамбоцыренов вошел в состав Хоринского аймачного комитета общественной безопасности. Компромисс между различными группами бурятских активистов, казалось, был найден.

Однако вскоре соперничество между автономистами и стародумцами вылилось в тяжелое противостояние. 17 июня 1917 года Временное правительство приняло постановление о введении земских учреждений в Сибири. Это означало крах надежд стародумцев, которые полагали, что теперь бурят-монголы снова остаются беззащитными перед властью русского большинства. Виновными в этом провале были объявлены автономисты, в частности Э-Д. Ринчино, который во время работы Первого съезда убедил депутатов не поднимать ходатайства о восстановлении Степных дум. Напряжение еще более усилилось, когда в результате выборов, организованных в Забайкалье 18 января 1918 года, в состав земских гласных были включены почти исключительно представители автономистов. Стародумцы на выборах не сумели вовремя консолидироваться и выдвинуть своих кандидатов, тем более что голосование

¹ *Хори-буряты, хоринские бурят-монголы* – самоназвание одной из крупнейших субэтнических групп в составе бурят. Проживают в центральном и восточном Забайкалье.

² *Зайсан* – должность в иерархии чинов администрации Степных дум.

³ Очиржапов: л. 2.

проводилось по сформированным заранее спискам. В среде консервативно настроенных бурят заговорили о засилье представителей бурятской национальной интеллигенции в органах власти.¹

«Улан Туг» и вопрос о военном призыве. После Октябрьского переворота ситуация в Забайкалье стремительно меняется. Верхнеудинский Совет рабочих солдатских и крестьянских депутатов еще в сентябре-декабре 1917 года накануне взятия в свои руки всей полноты власти активизирует работу в бурятских аймаках.² Для этого в бурятских аймаках создается организация «Улан Туг» (Красное знамя) под руководством Бурнацкома, непосредственно Э.Д. Ринчино. В момент организации в организацию вошло 22 человека, в основном из числа интеллигенции. Цель организации заключалась в выдвижении на передний фланг сочувствующих Советской власти и обеспечении вступления бурят в создаваемые в Забайкалье отряды Улан Цагда (Красной гвардии)³. Недавно образованные земства спешно преобразовываются в Советы, а буряты теряют в них свое представительство. Реальная власть сосредоточивается на местах, где прочные позиции удерживают консервативно настроенные активисты-антиаймачники под фактическим руководством Эрдэни Вамбоцыренова. Они препятствуют работе просоветских активистов и агитируют против вступления бурятской молодежи в ряды Улан Цагда. Консерваторы призывают к нейтралитету в разворачивающейся в Сибири Гражданской войне. На аймачных и хошунных съездах члены «Улан Туг» объявляли, что за агитацию против призыва и дезертирство на виновных будет возложена ответственность по военному времени. Однако фактически эти угрозы усилили оппозицию в среде бурят и даже привели к консолидации антиаймачников из разных частей Бурятии. Так, к противникам призыва в Хоринском аймаке присоединились жители Агинского аймака, Баргузина и ноёхонские станичники. Ситуация противостояния антиаймачников с улантугистами и Бурнацкомом в целом продлилась до августа 1918 года, когда Советская власть в Забайкалье была низложена и власть перешла в руки казачьего атамана Григория Семенова.

Движение против призыва и консолидация антиаймачников. Приход к власти Семенова знаменовал новую волну противостояния антиаймачников со сторонниками автономии. Бурнацком, преобразованный в Бурятскую народную думу, во главе с Даши Сампилоном, в октябре 1918 года обращается к атаману Семенову с ходатайством об организации автономии для бурят.⁴ Однако для Семенова приоритетной задачей являлся призыв бурятской молодежи в ряды собственный вооруженных сил – Цаган Цагда, или Белой Гвардии.⁵

¹ Там же: л. 3.

² Бартанова А.А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. - Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964. С. 31.

³ Очиржапов: л. 4.

⁴ История Бурятии: В 3 т. Т.3 – XX–XXI в. С. 35.

⁵ Бартанова. Указ. соч. С. 36-37.

Для представителей Бурнардумы вопрос об автономии фактически встал в зависимость от успеха кампании по военному призыву. Семеновцы пытаются уверить бурят в том, что призыв в Цаган Цагда не является военным призывом, поскольку буряты призываются а) на 6 месяцев, что существенно меньше срока для остального населения; б) призывники из числа бурят будут нести службу в пределах бурятских аймаков и исключительно для охраны внутреннего порядка. Однако эти аргументы на большинство бурят не подействовали, и требование о призыве ими было категорически отвергнуто.¹ Несмотря на позицию бурят, атаман Семенов не думал отступать от идеи их привлечения к службе в рядах Цаган Цагда. В среде бурят настроения против призыва были также сильны. Они еще более усилились, когда в январе 1919 года по бурятским аймакам прошел слух о том, что известный буддийский лама-отшельник из Кижинги Лубсан-Самдан Цыденов собирается создать теократическое правительство с целью защиты бурят-буддистов от насилий Гражданской войны.

Сумасшедший святой

Многообещающее начало. Лубсан-Самдан Цыденов родился в 1850 году в улусе Кижинга Хоринского ведомства. Еще в детстве Цыденов был отдан в Кижингинский (Кудунский) монастырь, где через некоторое время начал обучение на цаннидском (философском) факультете, продолжив его в резиденции Бандидо Хамбо-лам² – Тамчинском дацане. С раннего детства у него проявилась склонность к учебе, благодаря чему он получил монастырскую ученую степень *габжи*.³ Источник⁴ сообщает об особой приверженности Цыденова к медитативной практике. Цыденов характеризовался современниками как человек замкнутый, склонный к уединению, ограниченным контактам с окружающими и воздержанию в обыденной жизни. Однако необычайная личная харизма и исключительная ученость подняли авторитет Цыденова в среде верующих, что позволило ему принять участие в выборах на должность настоятеля Кудунского монастыря. В других источниках сообщается о том, что он, якобы, мечтал о своем назначении настоятелем Кудунского монастыря и даже претензиям на престол Бандидо Хамбо-ламы, высшей административной должности буддийской церкви Восточной Сибири. Тем не менее, тогда в конкурентной борьбе Цыденов проиграл другому претенденту, пользовавшемуся, как утверждается, поддержкой действовавшего тогда Хамбо-ламы Чойнзона Иролтуева. В качестве некоторой моральной компенсации за это поражение Иролтуев

¹ Очиржапов, рукопись: л. 8.

² Бандидо Хамбо-лама – звание высших иерархов буддийской общины части бурят и эвенков.

³ Габжи (тиб. *dka' bzhi*) – одна из высших монастырских ученых степеней в тибето-монгольском буддизме.

⁴ Биография Лубсан-Самдан Цыденова основана на сведениях, изложенных в рукописи Ц.М. Очиржапова на лл. 80-87.

включает Цыденова в состав бурятской делегации на коронацию Николая Второго в 1896 году. Если верить этим сведениям, включению Цыденова в состав делегации содействовали и авторитетные представители хоринской родовой аристократии.¹

Скандал на коронации. В марте 1896 года делегация на почтовых лошадях отправилась в г. Красноярск, откуда по Сибирской железной дороге продолжила путь в Москву.² Светские и религиозные представители Забайкальских бурят приняли участие в церемонии коронации Николая Второго в Успенском соборе Московского Кремля и последовавших за ней пышных торжествах в Москве и Санкт-Петербурге. Во время торжественной церемонии коронации Цыденов отказался преклонить колени, что не только поставило всю бурятскую делегацию в неловкое положение, но и привело к расследованию данного инцидента Министерством внутренних дел. Сам Цыденов объяснил свой поступок тем, что ему как полному монаху дана привилегия не преклонять колени пред царем, что «неучастие его в данном поклонении не является преступным деянием, что поклонение буддийской делегации, в частности, хамбо-ламы Иролтуева как *гылуна*³ и главаря буддийского духовенства Сибири, является отступлением от закона Винаи⁴ и служит позором».⁵ Тем не менее, как и все члены делегации 20 августа 1896 года Самдан Цыденов был награжден серебряной медалью для ношения в петлице на Андреевской ленте.⁶

Годы отшельничества. Через два года после своего возвращения в Забайкалье Цыденов покидает монастырь и уходит в длительный медитативный затвор, поселившись в местности Соорхой в окрестностях села Кижинга вместе со своими последователями. В медитативном уединении Цыденов предается тантрийской практике созерцания идама Ваджрабхайравы (Ямантаки)⁷. Многолетнее созерцание усилило его духовный авторитет в глазах простых верующих. Слава о Цыденове и его последователях проникает далеко за пределы долины Кудуна. В 1907 году Цыденов назначается настоятелем Кудунского монастыря, однако даже ради этого не прерывает уединенного образа жизни, руководя монастырем посредством помощников. Спустя девять лет та-

¹ Жигмидон Б. *Контрреволюция под маской теократизма (Балагатчина)* (рукопись) // Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422. С. 2.

² В личном фонде С. Цыденова имеется Удостоверение № 151 о его командировании в Москву «на Священное Коронование Их Императорских Величеств» [ЦВРК ИМБТ, д. 636, л. 5].

³ Имеется в виду *гэлон* (тиб. *dge slong*), или *бхикиу* – буддийский монах, принявший все обеты.

⁴ Виная – канонический дисциплинарный кодекс буддийских монахов.

⁵ Очиржапов: л. 81.

⁶ В личном фонде С. Цыденова хранится официальное наградное свидетельство на его имя [ЦВРК ИМБТ, д. 636, л. 5].

⁷ *Идам* – тантрийское медитативное божество, связанное с определенной тантрийской системой. Ваджрабхайрава (Ямантака) – один из главных идамов традиции гелукпа, самой крупной по числу последователей буддийской школы Тибета.

кой способ управления монастырем стал причиной отстранения Цыденова по распоряжению Бандидо Хамбо-ламы Д-Д. Итигэлова от должности настоятеля.¹

Из свидетельств знавших его людей известен свойственный Цыденову повышенный интерес к западным научным достижениям, мировым религиям, помимо буддизма, наконец, к государственному устройству стран Европы. Так, в любопытном рассказе российского этнографа Моисея Кроля, проводившего свои этнографические изыскания в восточном Забайкалье в конце XIX века, рассказывается о его неожиданной встрече с Цыденовым, произошедшей в августе 1893 года. Два дня ученому пришлось отвечать на многочисленные вопросы «святого ламы» о христианстве, западной философии, европейском понимании устройства мира, после чего он записал в своем дневнике:

«Кто знает, сколько лет таились в его душе вопросы, которыми он меня засыпал с первой же нашей встречи. Утолил ли я хоть сколько-нибудь его душевный голод, я не знаю, но он услышал от меня много нового, он ознакомился с мировоззрением, о котором не имел даже смутного представления до встречи со мною... Снова он замкнется в самого себя, снова он одним движением руки будет удалять из своей аскетической кельи благоговейших перед ним бурят, но в его голове запечатлелось так много новых мыслей, что на их обдумывание и углубление он, быть может, употребит весь остаток своих дней в промежутки между чтением тибетских священных книг и исполнением своих обязанностей духовного пастыря...».²

Восторженный монархист? Еще более уникальное и важное свидетельство о том, какое влияние оказала на Лубсан-Самдана Цыденова встреча с Европой, мы видим в уже упоминавшейся нами пространной поэме на тибетском и монгольском языках, посвященной интронизации Николая Второго. Поэма написана в очень сложной манере, обильно наполнена стихотворными метафорами, отсылками в область классической индийской мифологии, религиозно-философской лирикой, пышной патетикой. В поэме автор прямо называет российского монарха *чакравартином*³, осознавая и подчеркивая при этом его иноконфессиональность. Как правило, этот титул использовался в пределах буддийской ойкумены, и правители, называвшиеся таким образом, позиционировали себя в качестве буддистов. Использование этого сакрального титула по отношению к Николаю представляется нам даже более важным, чем все другие метафоры, какие использует автор для обозначения мощи и величия российского императора, как индо-буддийских – Тара Чинтаманичакра, Вишну,

¹ Сохранилась переписка между Хамбо-ламой Д-Д. Итигэловым и Л-С. Цыденовым по данному вопросу, а также жалобы Цыденова в Министерство внутренних дел (ЦВРК ИМБТ, Личный фонд С. Цыденова, д. 636, л. 10).

² Моисей Кроль. Годы ссылки. В гостях у Святого Ламы // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 80.

³ Чакравартин (санскр. cakravartin, букв. Вращающий колесо). В буддизме титул идеального правителя, осуществляющего правление согласно буддийскому учению.

Индра, Рама, бог богов, превосходящий Махешвару, так и монгольских – Установленный силою вечного Неба.

Еще один важный момент, который необходимо подчеркнуть в этой связи, связан с якобы имевшим место отказом Цыденова от поклонения уже коронованному императору Николаю. Этот неординарный поступок может показаться нам мало соответствующим тому настроению, с которым автор писал восторженный гимн, посвященный коронованию и аудиенции. И действительно, в поэме мы находим практически совершенно иное описание происшедшего во время приема.

«Словно луна среди звезд, пленяющий ум с первого взгляда, незабываемый владыка людей вышел к нам вместе со своей супругой.

[...]

И в тот момент, как пространство обширного моря покрывается рябью волн, мое тело покрылось золотыми одеждами поднявшихся волосков, сопровождаемых дрожью. Склонившись в поклоне и трижды распростершись, я преподнес вещи, символизирующие пожелание долгой и крепкой жизни – приветственный шарф и статуэтку божества долгой жизни».¹

К идеалам монархии. Можно предположить, что Самдан Цыденов действительно мог отказаться от следования церемониалу в месте поклонения императору, сославшись на упомянутые в очерке вполне резонные аргументы. Это тем более вероятно, если мы примем во внимание известную нам принципиальность и неординарность кудунского отшельника. Тем не менее, на страницах своего произведения Цыденов трижды простирается перед монаршей особой, декларируя тем самым свое отношение к императору как к фигуре сакральной. Поэма, таким образом, может отражать некое идеальное инобытие происшедшего в реальности, которое не во всем могло ему соответствовать. Иными словами, Самдан Цыденов не был готов к церемониальному поклонению перед императором в конкретной ситуации, но внутренне царь как носитель власти вполне соответствовал объекту его поклонения. Так или иначе, но нам представляется вполне естественным предположить, что человек, написавший столь значительное и торжественное произведение, посвященное блеску, великолепию и священности монархической власти, пусть лишь частично относящейся к буддийской цивилизации, предполагал священной монархию как таковую. Известие о расстреле царской семьи было распространено российскими газетами летом 1918 года, и можно догадаться, какое впечатление могло оно произвести на человека, считавшего императора божественной персоной. Могла ли в его глазах быть легитимной любая другая власть, будь то Временное правительство, Советы, органы власти бурятской автономии или атаман Семенов? Уничтоженную монархию могла заменить только другая мо-

¹ Новая песнь: л. 15.

нархия, обладающая прямыми атрибутами сакральности – власть просветленного божества.

Эта идея, по всей видимости, появилась в голове у Цыденова осенью 1918 года, когда конфликт между представителями Бурнардумы с одной стороны и антияичниками с другой по вопросу о военном призыве достиг острой фазы. Противникам призыва и автономизации не хватало единого лидера и альтернативной идеи, которая могла бы быть противопоставлена движению автономизации Бурятии. Идея буддийской теократии была уже весьма популярна в среде верующих буддистов, ибо перед их примером стояли живые примеры Далай-ламы или Джебцун-Дамба-хутухты, стоявших на вершине теократий Тибета и Монголии. В те же годы атаман Семенов оказывал поддержку планам создания панмонгольского государства под руководством ламы из Внутренней Монголии Нэйсэ-гэгэна Мэндэбаяра.¹ Идея витала в воздухе, была понятна и близка бурятским буддистам. Лично или через своих приближенных Лубсан-Самдан Цыденов передает эту идею авторитетным кижингинским антияичникам, которые начинают действовать.

Как строилась Кудунская теократия

Приглашение на престол. В условиях административного хаоса, воцарившегося по всей России в годы Гражданской войны, кредитные товарищества и потребительские общества часто были единственными структурами, выполнявшими какие-то организационные функции. В Кижинге кредитное товарищество фактически стало той площадкой, на основе которой создавался проект конституционной теократии Лубсан-Самдана Цыденова. В январе 1919 года члены правления Кижингинского кредитного товарищества были созваны на внеочередное закрытое заседание. Речь на этом заседании шла не о финансовых делах, а вопросе политической важности: выходе Кижинги из состава Хоринского аймака и создании на территории бывшего Бодонгутского сомона государства на принципах теократии.² Инициаторами дела стали местные жители С. Генинцыбенев, Г. Гармаев, Д. Иролтуев и С. Гончикдараев которые получают в будущем теократическом правительстве видные посты. Активисты предложили членам товарищества организовать церемонию поднесения ламе Лубсан-Самдан Цыденову *мандалы*³ с просьбой взойти на престол религиозно-го главы государства и обеспечить местным бурятам-буддистам защиту от во-

¹ Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра, 2008. С. 158-160.

² Очиржапов: л. 9.

³ Мандала (досл. круг, диск). В индуизме и буддизме символическое изображение вселенной, представляющее собой диск с пирамидальным или конусообразным возвышением в центре. В буддийской традиции мандала является одним из видов подношений учителю или духовному лицу вообще.

енного призыва и вообще от политики Бурятского национального комитета. По решению собрания в среде кижингинских бурят начинается агитация за поддержку коллективного письменного прошения и организуется сбор средств для пожертвований будущему правителю.¹

Структура государства. Цыденов дает инициативной группе инструкции по вопросам составления конституции учреждаемого государства, в соответствии с которой должны быть сформированы его основные институты, и созыву учредительного собрания. В созданную конституционную комиссию входит 22 человека, среди которых в основном высокопоставленные ламы Кудунского дацана и чиновники из волостного/сомонного управления.² Четвертого мая 1919 года проект Конституции Теократического государства Кудунской долины, состоящий из 36 пунктов, был закончен. В проекте оговаривается структура светских административных органов государства, официально получившего имя «Эрхэтэ Балгасан Улус», что можно перевести как «Суверенное государство балагатов». Под термином «балагат» создатели государства понимали крупнейшую административно-территориальную единицу, в которую входили тосхоны, которые примерно соответствовали бывшим сомонам. Балагаты же соответствовали хошунам. Территориальных образований, соответствовавших аймакам, в новом государстве попросту не существовало.³

Согласно основному закону⁴, Кудунское государство находилось под верховным управлением Йогачари Номун Хана, Цог Тугульдур Дармаранза⁵ Лубсан-Самдан Цыденова. Он управляет государством по праву человека, реализовавшего в себе тантрийское божество Ямантака и выполняющего волю последнего. Следующим во властной иерархии Кудунской теократии было представительное собрание – Великий суглан (*yeke śiyulγan*)⁶. Депутаты в Суглан избираются прямым тайным голосованием из расчета один депутат от

¹ Б. Жигмидон пишет, что на эти подношения и обращения Цыденов давал в основном однотипные ответы: «Я глубоко сочувствую, что вы терпите бедствия и очень тронут, что вы последовали примеру передовых сомонов и обращаетесь к великой религии Будды. Теократия – это владычество божье, оно суть открытие божье, вследствие чего мы истолкователи воли Будды и будем иметь высшую власть, обсудите положение на многолюдном собрании. Я помогу». Жигмидон, л. 13.

² Очиржапов: л. 11.

³ Там же: л. 12-13.

⁴ Здесь и далее разбор содержания основного закона государства Эрхэтэ Балгасан Улус производится на основе монгольязычного текста Конституции (лл. 1г-4v), хранящегося в личном архиве автора статьи. См. описание в сноске

⁵ Данный титул является комбинацией санскритских и монгольских слов, которая в дословном переводе на русский означает: «Йогин, Царь Учения, Величественный и совершенный Царь Дхармы. Дармаранза – монгольская передача санскритского термина дхармараджа (санскр.: *dharmaṛājā*), использовавшегося в индуистской и буддийской традициях для обозначения правителя, покровительствующего религии.

⁶ Здесь и далее в скобках дается оригинальная монгольская терминология, в том виде, в каком она представлена в вышеназванном источнике.

ста избирателей. Избирательный правом наделялись жители старше 15 лет обоих полов. Депутаты Суглана, в свою очередь, выбирают членов президиума. В юрисдикции Суглана находится государственный бюджет и назначение размеров жалования.

В непосредственном подчинении у Дармаранзы находятся следующие должностные лица, осуществляющие оперативное управление государством: 1. президент (*erkin sayid*), 2. вице-президент (*did sayid*), министры (*ambôds*). В состав правительства входят министры внутренних (*dotoγad kereg-ün*) и иностранных дел (*γadaγad kereg-ün*), юстиции (*qauli-yin*), царского двора (*qan or-don-u*), торговли и промышленности (*mayimaγan ba üjübüri-yin*), финансов (*sang jögeri-yin*), земледелия (*γajarül edbüri-yin*) и народного просвещения (*arad-i gegeregülegçi-yin*), а также их заместители (*nükür tusalaγçi*). Все выбранные должностные лица должны были утверждаться Дармаранзой.

Все важные правительственные решения должны были утверждаться Дармаранзой, однако решения по текущим делам в рамках оперативного управления президент принимал самостоятельно. Соответственно, правительственные распоряжения проходили согласование у президента.

В состав теократии входило 11 балагатов: кудунский, шелсанинский, кижингинский, сарантуевский, оротский, улан-бургасунский, цаганурский, мосохонский, чесанский, ехэбулакский, кулькисонский. Балагатские управления (*balayad-unjakiruγ-a*), находившиеся под руководством глав администраций (*balayad-un ejen*) и их помощников. Должностные лица балагатского уровня также выбирались жителями балагата на срок в два года. Тосхоны, из которых состояли балагаты, в свою очередь управлялись даргами (*daruγ-a*), которые избирались на один год. Балагатское собрание, на котором избирались главы балагатских администраций, должны были проходить при участии не менее двух третей избирателей. Назначать ли жалование должностным лицам также решали сами избиратели.

Третьей ветвью власти являлся балагатский суд, который возглавлялся главой администрации балагата и двумя выборными судьями-шуленгами (*siülengge*). Кандидатуры шуленг должны пройти через утверждение министра юстиции. Все дела, не входившие в юрисдикцию балагатского суда (вероятно, тяжкие преступления), рассматривались юридическим отделом министерства юстиции с участием не менее чем трех глав балагатской администрации.

Для охраны внутреннего порядка вводилась должность надзирателя (*čaydaγaçi*) и его помощника, в подчинении которых находились балагатские стражи порядка (*amuγulang-i kinaγčid*).

Все должностные лица государства Эрхэтэ Балгасан Улус должны были иметь печати и знаки отличия. Для утверждения в должностях они были обязаны пройти через процедуру принятия присяги на верность Ламе Дармаранзе.

Одновременно с утверждением конституции, Лубсан-Самдан Цыденов, ныне именуемый теократическим главой и Ламой Дармаранзой, объявил о со-

зыве Великого Суглана 14 мая 1919 года (первого года по летосчислению Балагатского государства) в местности Шалсана в долине реки Кудун.¹ В назначенную дату было избрано и собрано 102 депутата, которые утвердили рабочий вариант конституции, объявили о создании нового государства и приняли решение преподнести мандалу Лубсан-Самдану Цыденову с просьбой его возглавить. Кроме того, в качестве официального наследника царя-деспота Самдана Цыденова был назначен его ближайший ученик Доржи Бадмаев. Депутаты утвердили в высших государственных должностях инициаторов создания государства. Так, президентом Кудунской теократии большинством голосов был избран Сандылык Гончикдараев, вице-президентом Доржи Иролтуев, председателем Совета министров С. Гэницыбенев. После окончания первого заседания Великого Суглана его члены в полном составе направились в местность Халцагай Толгой для вручения Лубсан-Самдану Цыденову мандалы с просьбой о вступлении на трон. Избранные Сугланом должностные лица тут же принимают присягу и приступают к своим обязанностям.²

Столкновение с реальностью. В первых числах мая правительство вновь созданного государства собирается на свое первое заседание. В этот же день по приказу Григория Семенова в Хоринский аймак прибывает управляющий Верхнеудинским уездом полковник Корвин-Пиотровский. Одновременно с этим из Читы в Хоринский аймак командирится казачий офицер Рабданов с вооруженным отрядом. Оба доверенных подчиненных атамана Семенова имели приказ произвести расследование происходящего в аймаке и при необходимости подвергнуть аресту инициаторов сепаратистского движения.³ В связи с тем, что теократическое государство Лубсан-Самдана Цыденова было организовано на принципах ненасилия, а в составе его правительства отсутствовало военное ведомство, оно фактически оказывалось беззащитным перед любыми вооруженными силами. Единственным способом самозащиты, имевшимся в арсенале подданных Балагатского государства, были обращения и воззвания. Так, узнав о приближении семеновских отрядов, члены правительства теократического государства шлют одну за другой депеши в Читу в Бурятскую Народную Думу и лично атаману Григорию Семенову с требованием оставить в покое созданную теократию.⁴ В то же время среди населения распространялось убеждение, что благодаря чудесной силе Дармаранзы, все его противники, разумеется, будут посрамлены и обезврежены, их оружие превращено в безделушки, а резиденция Цыденова будет окружена чудесно возникшими укреплениями.⁵ Между тем, отряды полковника Корвина-Пиотровского и Рабданова соединяются и направляются напрямик в урочище Халцагай-Толгой, к

¹ Очиржапов: л. 12-13.

² Там же: л. 16-17.

³ Там же: л. 19.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

тому времени переименованное в Соёмпус. Вместе с ними сюда же прибывают должностные лица аймачной администрации – член аймачной думы Дул Цыденов и управляющий уездом по Хоринскому аймаку Эрдэни Вамбоцыренов¹. Последний при этом находился в весьма стесненном положении, поскольку был сторонником и последователем Цыденова, однако в данной ситуации представлял аймачную администрацию, признанную атаманом Семеновым.

После двукратного ультимативного требования добровольной сдачи властям, Лубсан-Самдан Цыденов вынужден был подчиниться. Источники сообщают, что, увидев вооруженное оцепление вокруг своей кельи, Цыденов с удивленным тоном заявил: «Эти войска, очевидно, мобилизованы для ликвидации моего государства в лице меня и правительства и являются охраной пребывающих здесь служебцев, что кажется для меня чудным делом».² Лубсан-Самдан Цыденов и ряд членов его правительства были подвергнуты аресту. Часть министров и других высокопоставленных чиновников успела скрыться в отдаленных улусах и лесных заимках. В связи с этим арестам и допросам были подвергнуты их родные, во время которых семеновцы допускали насилие и телесные наказания. Офицер Рабданов осмелился даже наказать розгами ламу Кижингинского дацана Галсанова за его пособничество в деле побега настоятеля дацана Гынина Цыремпилова. В последствии из-за этого эпизода Корвин-Пиотровский вынужден был отстранить от служебных обязанностей некоторых подчиненных Рабданова.³

В келье Цыденова был устроен обыск с целью выявления документов или предметов, относящихся к делу. В ходе обыска, как сообщается в источниках, в келье среди прочего были обнаружены корона с изображением ваджры и человеческого черепа, дневники с реестром лиц, внесших пожертвования, буддийская религиозная литература, библиотека книг и журналов на европейских языках, а также пояс с электрическими лампочками, который Цыденов якобы приобрел в Петербурге и использовал для оказания воздействия на верующих.⁴

Спустя несколько дней Лубсан-Самдан Цыденов, его приближенный Доржи Бадмаев и ряд членов его правительства были препровождены в Верхнеудинскую тюрьму и допрошены. В частности, как сообщают нам наши источники, Цыденов на допросе заявил о следующем: «В связи с свержением царизма и образованием Временного Правительства во многих местах России создавался ряд новых государств, объявивших независимое их существование, как по инициативе отдельных авторитетных лиц, так и по диктовке тех или иных партий и организаций, что создало между ними раскол и вражду, междоусобицу, анархию, мобилизацию, объявление друг другу войны и т.д. Как пе-

¹ Там же: л. 12-13.

² Там же: л. 20-21.

³ Там же: л. 23.

⁴ См. описание ареста Цыденова в ЦВРК ИМБТ, Монгольский фонд, коллекция М I, 516, лл. 1r-2v и Очиржапов: л. 21.

редавали мне прибывающие поклонники буряты, жалуясь на действия бурятской интеллигенции, на стремление их к призыву бурятской молодежи на службу в *цагды* для охраны создаваемой по инициативе их национальной автономии и т.д. Отсюда я был уверен в том, что ныне открыт широкий путь организации любого государства, любого политического общества и любой организации в порядке революционных действий. В данном случае я вынужден провозгласить себя царем-деспотом теократического государства, преследующего цели борьбы против призыва и войны, за мир на основе специальных правил, предусмотренных в религиозных догматах, уповая на то, что буряты-буддисты, как избегающие автономного строя, влекущего за собою привлечение их к военной службе, будут стоять за мою идею, что данное государство будет охранено сверхъестественной силой бога-хранителя и что идеи не будут опровергнуты окружающим русским населением как пострадавшим в результате войны и междоусобиц. Но несмотря на это, я считаю свою инициативу заблуждением, объясняемым моей старостью, политической неосведомленностью и нахождением в изолированном от общества созерцании во времена упомянутых выше событий».¹

Это заявление Цыденов подкрепил официальным призывом к своим подданным и членам организованного им правительства более не считать его своим царем и перейти в подчинение властей правительства атамана Семенова. Этот призыв остановил начавшееся уже движение населения других бурятских аймаков, таких как Батанай-Харганатский, Хуацайский, Чикойский, Селенгинский, Оронгойский в подданство к Самдану Цыденову.

Этих объяснений и добровольного отречения от власти со стороны Цыденова семеновским властям было достаточно. Очевидно, они опасались ухудшения отношений с бурятским населением, в среде которого авторитет Цыденова был очень высоким. Власти демонстративно наказали милиционеров под началом Рабданова за допущенные перегибы и освободили всех задержанных сторонников Цыденова, а также его самого. Для Лубсан-Самдана Цыденова покаянные заявления были, как покажут дальнейшие события, лишь тактическим приемом. Возвращение Цыденова в Кижингу было триумфальным. Его встречали многочисленные верующие, многие из которых считали сам факт освобождения Цыденова как подтверждение его духовного могущества. По возвращению в Соёмпус, Цыденов объявил произошедшее интригами со стороны бурятских автономистов, стремясь таким образом направить возмущение его последователей на членов Бурятской народной думы, а не на семеновцев. Вероятно, таким образом Цыденов пытался показать своим подданным, что со стороны Григория Семенова к нему претензий нет, а его деятельность находится в правовом поле. Многим последователям Цыденова тогда могло показаться, что арест и допросы были чистой воды недоразумением.

¹ Очиржапов: л. 21-22.

Вероятно, эта позиция в дальнейшем на некоторое время убедит и атамана Семенова в том, что Кудунская теократия безобидна для его режима.

Конфликты вокруг военного призыва. Между тем, самым принципиальным вопросом во взаимоотношениях теократов с семеновскими властями оставался вопрос о призыве бурят в отряды Саган Цагда. Антивоенная агитация, энергично проводившаяся ими на местах, а также обращения к правительству Семенова с требованием освободить бурят от воинской службы вынуждали Семенова на ответные действия. В период с мая по декабрь 1919 года Лубсан-Самдан Цыденов и некоторые его приближенные трижды подвергались арестам и помещались в тюрьмы Верхнеудинска и Читы, однако каждый раз время задержания было относительно коротким (в среднем около месяца).¹ В среде верующих последователей Цыденова крепло убеждение, что их духовных лидер неуязвим перед репрессиями властей и всякий раз чудесным образом выходит из заключения. После одного из арестов близкие Цыденову Д. Бадмаев и С. Гынинцыденов скончались от тифа, и рядом с кельей Цыденова в Соёмпусе в их честь были возведены ступы. Причем в течение нескольких дней телу Доржи Бадмаева поклонялись верующие, а затем оно было помещено в ступу как в мавзолей. В связи со смертью Бадмаева наследником Цыденова был объявлен его трехлетний пасынок Бидья Дандарон.²

Между тем теократы продолжали противодействовать инициативам власти по вопросу о привлечении бурят к военной службе. Это противодействие происходило на фоне успешного сотрудничества атамана Семенова с другими представителями буддийского духовенства Бурятии и Монголии, такими как Бандидо Хамбо-лама Гуро-Дарма Цыремпилов, а также Нейсе-гэгэн и Тойнхутухта из Внутренней Монголии.³ Так, в рамках созданного по инициативе Бурятской Народной Думы в октябре 1919 года Съезда представителей бурят Забайкальской области, почетными делегатами которого были и вышеназванные духовные лица, Думе было рекомендовано организовать военное управление с целью организации призыва бурят в национальное бурятское войско с целью «возрождения родины и установления порядка внутри страны».⁴ Кудунские теократы участия в работе съезда не приняли и, более того, заявили Семенову, что ничьих распоряжений о проведении военного призыва в своем аймаке выполнять не намерены. Раздраженный упорством Цыденова, Семенов в очередной раз подверг его непродолжительному аресту.⁵ Однако уже в марте 1920 года его режим пал, а сам Семенов бежал в Маньчжурию.

Противостояние с новыми властями. Стремительное наступление Красной армии в Забайкалье, как известно, не привело к немедленному установле-

¹ Очиржапов: л. 29.

² Там же: л. 32.

³ Базаров, Жабаяева. Указ. соч. С. 158-160.

⁴ Очиржапов: л. 28.

⁵ Там же.

нию здесь Советской власти. В апреле 1920 года Хоринский аймак оказывается на территории Дальневосточной республики, буферного государства, созданного Учредительным съездом трудящихся Прибайкалья. Тогда же в ДВР учреждается национально-территориальное образование Бурят-Монгольская автономная область, в состав которого были включены Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки. Предполагалось, что область должна была пользоваться всеми правами автономного образования и действовать самостоятельно в судебной, административно-экономической и культурной жизни. Часть бурятского населения, проживавшего на территориях Баргузинского, Верхнеудинского, Селенгинского и Троицкосавского уездов, оказалась включенной в состав Прибайкальской области со столицей в Верхнеудинске.¹

Для руководства процессом советизации в бурятских аймаках ДВР создается Бурятский народный революционный комитет (Бурнарревком), во главе которого был поставлен представитель бурятской интеллигенции Петр Дамбинов.² Воспользовавшись сменой власти, ряд видных деятелей теократического движения входят в состав вновь учрежденных сомонных и хошунных ревкомов. Кроме того, теократам удалось установить близкие союзнические отношения с высокопоставленными должностными лицами Прибайкальской области – начальником участка Верхнеудинской уездной милиции Алексеем Уваровым, старшим следователем Прибайкальского Политнарсуда Карповичем и др. С их помощью теократам удается усилить свои позиции в аймаке и даже развернуть вооруженную борьбу против своих противников, которых теократы обвиняли в союзнничестве с режимом атамана Семенова.³ Вообще сторонники Цыденова активно привлекали на свою сторону союзников. Так, через свои связи им удалось издать через Военное управление Прибайкальской области брошюру «За что борются теократы», в которой некто Григорий Стрефьев проводил мысль о том, что теократы являются тем самым угнетаемым меньшинством, свободу которым призвана обеспечить новая власть. Брошюра, впрочем, была почти сразу же конфискована, а ее автор привлечен к ответственности.⁴

Однако правительство ДВР с самого начала берет курс на усиление аймачных комитетов в БМАО и борьбу с сепаратизмом. В рамках этого курса правительство ДВР распоряжается арестовать Самдана Цыденова, президента Балагатского государства Сандылыка Гончикдараева и ряд министров теократического правительства. Цыденов был помещен в Верхнеудинскую тюрьму, откуда уже более в Кудунскую долину не вернулся.⁵ Сохранились

¹ Бартанова. Указ. соч. С. 50-58.

² Там же. С. 67.

³ Очиржапов: л. 33.

⁴ Там же: л. 36-37.

⁵ Там же: л. 32-33.

тюремные записки, которые Цыденов вел в этот период своей жизни.¹ Среди прочего, они содержат выписанные из имевшегося в его распоряжении энциклопедического словаря многочисленные европейские термины из области политической теории, государственного устройства. Значительное место в его конспектах занимает термин “теократия” в следующем его определении: «теократия – образец правления, при котором главой государства считается бог, будто бы передающий повеления и запрещения жрецам; управление государством духовенства, действующего будто бы по внушению божества; самое государство с таким строем».² Уже постфактум Цыденов целенаправленно ищет в литературе примеры иерократической и теократической форм правления в других странах мира, теоретическое обоснование той формы власти, которое он избрал для своего государственного проекта.

Помимо этого, сохранился фрагмент черновой рукописи обращения Цыденова в Политический суд Прибайкальской области ДВР. В нем он дает собственное (хотя и несколько официозное) объяснение мотивов создания теократии:

«Я действительно являюсь Царем Учения (Дхармараджей) Трех Миров. Эта власть ниспослана мне божеством. Поскольку для своих последователей я являлся спасителем, они во время встреч со мной при поклонении проводили и богослужение о здравии с подношением даров. Приведу пример для объяснения того, какой должна быть степень их подношений для приобретения собрания заслуг. В давние времена один хан Чакравартин, покоривший четыре материка, силою сокровища Чинтамани, исполняющего желания, излил драгоценный дождь, пока он не наполнил материка, и преподнес буддийской религии свое объединенное ханство. Так вот, чтобы понять степень и меру этих подношений, нужно понимать их равными этому подношению. Понимать это как жажду к наживе есть большое заблуждение. Возглавляемая мною вера содержится в океане тантрийского учения, достигшего пределов всех благих наставлений Будды. Поскольку источником этих учений является вместилище десяти сторон и трех времен Великий Владыка будд Ваджрадхара, не буду распространяться на этот счет.

Так как у нас теократия, то большинство сторонников являются адептами, а потому им необходимо иметь атрибуты, знаки, придерживаться подобного поведения. Они связаны запретом на убийство и прочими обетами чистоты. Согласно им, ни в коем случае нельзя служить в армии. Основывая теократическое государство, я руководствовался принципом совмещения религиозного и мирского принципов. Он не предполагает разделения на религиозные и гражданские дела. Причиной этому является то, что власть совмещает в себе религию и государство. Поскольку теократическая политика связана с религией, она рассматривает политику и религию в тесной связи. Та-

¹ Архив Л-С. Цыденова. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ.

² Там же: л. 128г.

ким образом, поступки, связанные с “ламой-деспотом”, являются религиозными, и нельзя считать все совершенное мной преступлениями».¹

Тучи сгущаются. Несмотря на длительное тюремное заключение Самдана Цыденова, его сторонники не сбавляли своей активности. В февралемарте 1921 года ламы Чесанского дацана Хоринского аймака в числе 300 человек объявили о своем отделении от дацана и вообще от централизованной буддийской общины Бандидо Хамбо-ламы. Отколовшаяся группа лам обратилась к Лубсан-Самдану Цыденову, в скором выходе из под ареста никто, похоже, не сомневался, с просьбой взять их под свое покровительство. Этими ламами и их последователями был сооружен новый дацан в местности Чулутай Чесанского сомона Цаганского хошуна. Однако после того как Хамбо-лама Гуро-Дарма Цыремпилов подал протест в Бурнарревком, последний 29 апреля 1921 года вынес постановление о запрете самовольного строительства дацана.²

Тогда теократы пошли в наступление в другом направлении. В том же месяце при поддержке милицейского начальника А. Уварова и других должностных лиц администрации соседней Прибайкальской области, лидеры балагатского движения созывают собрание жителей Хальбинского, Цаганского и Бодонгутского хошунов, на котором принимается решение о выходе этих хошунов из состава бурятской автономии и переходе в подчинение правительства Прибайкальской области. Для этого была реанимирована вся та административная система Балагатского государства, которая двумя годами прежде была прописана в конституции: балагатские и тосхонные управления во главе с эзэнами и даргами. Теократы отказывались платить налоги в пользу Бурят-Монгольской автономной области, организовали собственные милицейские отряды. Руководство некоторых сомонных и хошунных администраций Хоринского аймака добровольно сдавали дела балагатским начальникам, а по всему аймаку началась травля так называемых автономистов. При этом деятельную помощь в задержании сторонников автономии теократам оказывали милицейские работники Прибайкальской области, чьи действия координировались следователем Карповичем. Кампания против автономистов проводилась под видом борьбы с остатками «семеновских прислужников». В результате множество сомонных и хошунных работников вынуждено было бежать в соседние аймаки или скрываться в лесах.³

Летом 1921 года по просьбе все еще находившегося в тюрьме Лубсан-Самдана Цыденова старые теократы Г. Цыремпилов, Н. Сампилов, Ш. Цыбилов, Д. Доржиев, Ц. Базаров и другие организуют при вновь открытом дацане в местности Чулутай торжества в честь восстановления Балагатского госу-

¹ Там же: лл. 11г-12в.

² Очиржапов: л. 35-36.

³ Там же: лл. 38-40.

дарства. В рамках празднеств, продолжавшихся в течение 2-3 дней, были проведены молебны, конские скачки и борьба. Союзники кудунских балагатов должностные лица Прибайкальской области Уваров и Карпович были торжественно награждены представителями балагатского движения хадаками и меховыми шкурками за помощь, оказанную ими Кудунской теократии. Главным пунктом программы празднеств стала торжественная интронизация наследника Лубсан-Самдана Цыденова – девятилетнего пасынка Доржи Бадмаева Бидьядары (Бидьи) Дандарона, впоследствии известного религиозного философа, ученого-тибетолога и буддийского диссидента.¹ За некоторое время до этого Дандарон был признан Лубсан-Самдан Цыденовым перерождением неоднократно посещавшего Кижингу тибетского ламы-хубилгана из амдоского монастыря Гумбум Джампалинг² Джаяк-гэгэна.³ Впоследствии за свой статус перерожденца и невольную причастность к теократическому движению Бидья Дандарон подвергнется многолетним репрессиям и гонениям.

Движение к компромиссу. Между тем, ситуация в Хоринском аймаке обострялась в связи с участвовавшими стычками между молодежью, поддерживавшей теократов, и аймачниками.⁴ Активизация антиаймачных настроений заставляет правительство Дальневосточной республики действовать. В июле 1921 года сюда командировается правительственная комиссия под руководством члена правительства ДВР Д.С. Шилова. После проведения расследования, комиссия категорически потребовала от участников балагатского движения сдать огнестрельное оружие и подчиниться аймачным и хошунным властям. Члены комиссии также потребовали от должностных лиц Прибайкальской области прекратить любые вмешательства в дела одного из аймаков Бурят-Монгольской автономной области. Кроме того, 1 августа 1921 года в местности Чулута Бодонгутского хошуна Хоринского аймака Д.С. Шиловым было проведено собрание с участием представителей враждующих сторон, на котором была осуществлена попытка найти компромисс, путем привлечения некоторых лидеров балагатского движения к работе в аймачной и хошунных

¹ Б.Д. Дандарон (1914-1974) – буддийский религиозный деятель, специалист в области буддийской философии, религиозный философ. Был арестован в 1937 году и в общей сложности провел около 20 лет в сталинских лагерях. После освобождения и реабилитации с 1957 году работал в Бурятском институте общественных наук. В 70-е годы XX в. основал религиозную общину, которая включала круг образованной молодежи из различных частей европейской части СССР. В 1974 году был арестован и обвинен в организации незаконной религиозной организации. Осужден на 5 лет лагерей общего режима. Умер в заключении в п. Выдрино Бурятской АССР.

² Гумбум Джампалинг (тиб. sku 'bum byams pa gling) – крупный тибетский буддийский монастырь, расположенный в провинции Цинхай. Основан в конце XVI в. Далай-ламой III на месте рождения Дже Цонкапы, основателя школы гелукпа.

³ Джаяк-гэгэн (Джаяксен-гэгэн) – линия тибетских лам-перерожденцев, имеющих резиденцию в монастыре Гумбум Джампалинг.

⁴ Очиржапов: л. 40.

администраций. Из-под стражи были выпущены на свободу задержанные ранее теократы (Лубсан-Самдан Цыденов, впрочем, в это число не вошел).¹ Тем не менее, личным распоряжением Шилова были арестованы и препровождены в Читинскую и Верхнеудинскую тюрьмы Уваров и Марков. Позднее был задержан и Карпович. Источники сообщают лишь о судьбе Карповича, который впоследствии был расстрелян по решению Амурского губернского суда как контрреволюционер.²

Результаты работы комиссии Шилова были закреплены работой еще одной комиссии, командированной правительством ДВР. Руководителем этой комиссии был назначен Н. Преловский. Деятельность комиссий Шилова и Преловского привела к компромиссу с теократами. Как и семеновцы, власти ДВР не были заинтересованы в ухудшении отношений с хоринскими буддистами. В сентябре 1921 года на выборах в Бурят-Монгольское областное народное собрание по Хоринскому аймаку депутатами были избраны видные деятели балагатского движения: Цыдып Цыденжабон (сын бывшего министра земледелия Кудунской теократии Ц.Ж. Цыремпилова), Бадмацырен Бониев (бывший министр иностранных дел), Базарсада Шагдаров (бывший товарищ министра торговли), Данзан Сампилон (бывший товарищ министра народного просвещения) и др. В самом аймаке 25 сентября 1921 года на собрании жителей Бодонгутского хошуна было достигнуто перемирие между теократами и автономистами, которые согласились восстановить мирные отношения и начать сотрудничество под эгидой правительства БМАО.³

Точка невозврата. Депутаты от теократов в Народном собрании активно участвовали в работе парламента, хотя в состав областного правительства – Бурмонавтупра (Бурят-Монгольского автономного управления) – не вошли. Тем не менее, прогресс был налицо и многим, возможно, стало казаться, что проблема Балагатского движения постепенно находит свое решение. Однако в реальности вскоре наступает новый виток противостояния, переросший в итоге в стадию вооруженной борьбы. Новый конфликт был спровоцирован небеспочвенными слухами, которые начинают муссироваться в среде бурят, о планах Бурятмонавтоупра ввести военный налог и возобновить призыв бурят в ряды Красной армии. Возмущенные этим представители теократов снова ставят перед правительством БМАО вопрос о выходе Бодонгутского, Цаганского и Хальбинского хошунов из состава области и присоединении этих хошунов к Прибайкальской области.⁴

На этот раз реакция Бурмонавтупра была решительной. Сначала глава правительства Матвей Амагаев призвал теократов примириться с идеей бу-

¹ Там же: лл. 40-43.

² Там же: л. 43.

³ Там же: лл. 43-50.

⁴ Там же: лл. 50-54.

рятской автономии, что никак не повлияло на позицию сторонников Балагатского движения. Тогда правительство БМАО обвинило теократов в попытках уклониться от уплаты налогов и отбывания повинностей, главным образом подводной и военной. С такой формулировкой в феврале 1922 года правительство Бурмонавтупра представило дело правительству ДВР.¹ Уже в марте того же года по распоряжению правительственного инспектора милиции К. Ильина аресту подвергаются главные участники Балагатского движения: бывший президент Балагатского государства Сандылыг Гончикдараев, настоятель отколовшегося от буддийской общины Чулутского дацана Найдан Сампилов, бывший министр иностранных дел Балагатского государства Бадмацырен Бониев, бывший товарищ министра финансов Бадмацырен Гармаев и другие.² Ответом сторонников теократии стала вооруженное сопротивление. Теократы собирают вооруженный отряд в 150 человек и направляют его в управление Бодонгутского хошуна, где, по их сведениям, содержались арестованные. Освободить своих товарищей им не удалось, в связи с тем, что те к тому времени были переведены в Верхнеудинск.³ Однако этот шаг со стороны теократов привел к необратимым последствиям. Точка невозврата была пройдена.

Разгром движения. Попытка освобождения теократами своих лидеров привела к тому, что все арестованные сторонники Лубсан-Самдан Цыденова, включая его самого были отправлены в административную ссылку в отдаленные края и области РСФСР. Вооруженным отрядам теократов Бурмонавтупром был объявлен ультиматум: «Настоящим предлагается всем балагатцам в 7-дневный срок со дня объявления сего, оставить и забыть распри и безоговорочно подчиниться законным органам административного управления, начиная с центрального управления и кончая сомонными управлениями, выдав по требованию этих органов и милиции всё имеющееся оружие и тех из руководителей движения, изоляция которых властями будет признана необходимой. Настоящий приказ есть последнее предупреждение. И если по истечении указанного срока не наступит исполнение и полное и безоговорочное подчинение, то будет приступлено к беспощадному подавлению балагатского движения всей силой карательного воздействия».⁴

Лубсан-Самдан Цыденов отправился в принудительную ссылку, и следы его теряются. Имеются сведения, что в мае 1922 года он был госпитализирован в городскую больницу Ново-Николаевска, где скончался от левостороннего плеврита.⁵ Фактически история Кудунской теократии заканчивается вместе с его смертью. Разрозненные остатки теократов уничтожались орга-

¹ Там же: л. 50.

² Там же: л. 50-51.

³ Там же: л. 51.

⁴ Там же: л. 54.

⁵ Дандарон Б.Д. Избранные статьи. Чёрная тетрадь. Материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо. Под ред. В.М. Монтлевича. - Москва: «Евразия», 2006. С. 276.

нами власти сначала ДВР, а затем и РСФСР все 20-е годы XX столетия. Дальнейшая история Балагатского движения является историей вооруженной борьбы, репрессий, судебных процессов, расстрелов и заключений по решению судов различных инстанций, актов мести, самосудов, партизанской войны и полного поражения сторонников идеи Кудунской теократии. Последний судебный процесс над группой сторонников Балагатского движения состоялся в с. Анинском в июне 1929 года, в результате которого один человек был приговорен к расстрелу, а еще пятеро получили сроки тюремного заключения от 5 до 10 лет.¹

Заключение

Кудунскую теократию нельзя назвать состоявшимся государственным проектом. Как это видно из представленного очерка, несмотря на разработанную структуру государства и проведенную процедуру формирования органов власти, теократическое правительство так и не смогло полноценно приступить к своим обязанностям. И все же использованные в этой статье источники позволяют сделать некоторые осторожные выводы о существовании Кудунского государственного проекта.

Как известно, модернистские идеи в традиционных восточных культурах никогда не были простым отражением европейских моделей, но получали свою специфику и свою уникальную конфигурацию, пройдя через прокрустово ложе их собственного мировидения. Способы апроприации политических идей имели глубокую связь с европейским колониализмом, что очевидно при анализе истории бурят-буддистов, которые всегда составляли часть *пах mongolica* и тибетского буддийского мира, даже после того, как вошли в состав российского государства. Подробное рассмотрение таких эпизодов истории буддизма, как Кудунская теократия, дает исследователям возможность понять природу трансформации теократий Внешней Монголии и Тибета. Под воздействием европейской парадигмы государственного строительства буряты стали одним из первых буддийских народов, которые должны были пересмотреть многие традиционные политические концепции.

Бурятская версия национализма имитировала российскую политическую культуру, в которой православие отводилась ключевая роль гомогенизирующей силы, с помощью которой общество получало единую политическую и религиозную идентичность. Для забайкальских бурят буддизм служил своего рода главным диакритическим знаком, который позволял им в имперское время отделять себя от окружающего их русского православного большинства, а позднее создавать на его основе государственные структуры и институты, что мы, собственно, и наблюдаем на примере Балагатского движе-

¹ Очиржапов: л. 78.

ния. И в этом смысле этнорелигиозная идентичность бурят-буддистов выступала в качестве альтернативы той модели бурятского национализма, которую предлагали бурятам сначала буржуазные националисты (часть которых активно сотрудничала с режимом атамана Семенова), а затем большевики. На примере Кудунской теократии мы видим, как легко буддизм становился основой для государственного строительства, и это прекрасно понимали и сами бурятские националисты, и семеновцы, и большевики. Проект Даурского правительства во главе с Нейсе-гэгэном, инициированный атаманом Семеновым в 1918 году, и использование большевиками фигуры Богдо-гэгэна VIII в переходный период к социалистическому строительству в Монголии прекрасно иллюстрируют этот факт. Бурятские националисты, в разное время сотрудничавшие и с царизмом, и с семеновцами, и с большевиками, находились под большим влиянием идей романтического панславизма и пангерманизма. В их картине будущего, тибетский буддизм был силой, способной подтолкнуть монгольские народы к объединению. Однако религия в их представлении занимала подчиненное положение, и мыслилась как орудие, а не фундамент для государства. Их национализм включал религиозный аспект, но лишь как маркер групповой идентичности, а не основу для выдвижения национальных претензий. Они сами могли быть буддистами, оставаясь при этом светскими людьми, и модель их воображаемого государства была также сугубо светской. Их оппоненты, в числе которых был и Лубсан-Самдан Цыденов, выступали за чисто религиозное государство и буддийскую нацию. Именно поэтому Кудунская теократия имеет столь сложную и драматичную историю взаимоотношений именно со светскими бурятскими националистами, в которых ее последователи видели своих главных врагов и оппонентов.

Кудунский государственный проект интересен также тем, что внешне стремясь воссоздать идеальную архетипическую модель буддийского государства по модели империи Маурья времени Ашоки, был первой попыткой построить такого типа теократию в рамки конституционной республики. Выборный принцип пронизывает всю систему представительства в Балагатском государстве. Несмотря на то, что фигура верховного правителя находилась над основным законом, тем не менее, сама попытка примирить монархию с республикой подтверждает тезис о том, что Кудунский проект созрел в контексте российской политической действительности, хотя формально и копировал образцы буддийских теократий Тибета и Монголии. То, что роднит Кудунскую теократию с другими буддийскими монархиями Внутренней Азии, это устойчивое идеологическое неприятие идеи о вооруженной защите своей государственности, что в условиях революций и Гражданской войны создало условия для насильственного уничтожения этого государственного проекта и его инициаторов, но в то же время, возможно, сберегло множество молодых людей, которых должны были призвать в ряды различных вооруженных формирований.

Архивные материалы

1. Архив С. Цыденова (*рукописи*). Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии.
2. Жигмидон Б. Контрреволюция под маской теократизма (Балагатчина) (*машинописная рукопись*). Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422.
3. Конституция государства Эрхэтэ Балгасан Улус (*монгольский рукописный текст*). Личный архив Н.В. Цыремпилова.
4. Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, Царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называемая “Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки” (*тибетский рукописный текст*). Национальный музей Республики Бурятия. Временный фонд. Инв. № 422.
5. Описание ареста Л-С. Цыденова (*монгольский рукописный текст*). Монгольский фонд, коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Инв. № М I, 516.
6. Очиржапов Ц.М. Теократическое балагадское движение и бандитизм по Хоринскому аймаку в 1917-1927 гг. (*машинописная рукопись*). Личный архив Н.В. Цыремпилова.
7. Письма и документы Л-С. Цыденова (*рукописи*). Личный фонд Л-С. Цыденова, Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Д. 636.

Литература

1. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра, 2008.
2. Бартанова А.А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. - Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964.
3. Дандарон Б.Д. Избранные статьи. Чёрная тетрадь. Материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо. Под ред. В.М. Монтлевича. - Москва: «Евразия», 2006.
4. История Бурятии: в 3 т. Т.3 – XX–XXI вв. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
5. Кроль, Моисей. Годы ссылки. В гостях у Святого Ламы // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 74-80.

6. Rupen, Robert A. *Mongols of the 20th century*. Vol. I. Bloomington, Indiana University, 1964.

Цыремпилов Николай Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Бурятии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: tsyrempilov@gmail.com.

Tsyrempilov Nikolay – Candidate in History, chair of Buryatia History Department, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: tsyrempilov@gmail.com.

УДК 94 (571.55)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-48-55

© Р. А. Евтехов

Проблема кадрового обеспечения Верхнеудинской городской полиции в конце XVIII в.

В статье освещена проблема кадрового обеспечения, сопровождавшая создание Верхнеудинской городской полиции. Автор на основе неопубликованных архивных источников рассматривает процесс назначения служителей, их пригодность и отношение к службе. В статье рассматривается штатное расписание городской полиции и предусмотренное им жалование. Освещены попытки городского общества отдать в службу наименее способных, в силу объективных экономических причин. Приводятся и некоторые сведения о моральном облике полицейских как высшего так и нижнего звена. Автор приходит к выводу о том, что при создании городской полиции управляющий комендант столкнулся с рядом кадровых трудностей, основной из которых стало отсутствие жалования на ряде полицейских должностей и отсутствие профессионалов, заменённых городскими обывателями.

Ключевые слова: Полиция, уездный город, канцелярия, городничий, магистрат, комендант, штатное расписание, выборы, жалование.

© R. Evtekhov

The problem of personnel Verkhneudinsk city police at the end of the XVIII century

In the article the problem of staffing, accompanied by the creation Verkhneudinsk city police. Author, based on unpublished archival sources considering the process of appointing ministers, their suitability and attitude to service. The article deals with the staffing of the city police and provided them a salary. Attempts to highlight the urban society to give service in the least capable, due to objective economic reasons. And provides some information about the moral character of the police as the highest and lower level. The author comes to the conclusion that creating a city police commander manager faced a number of staffing constraints, the main of which is the lack of a salary on a number of police posts and the lack of professionals, the replaced urban philistines.

Key words: police, the county town, the office, the mayor, magistrate, Commandant, staffing, elections, salaries.

Появление полиции в отдельных городах Сибири в конце XVIII в. является свидетельством не только усиления процесса урбанизации, но и попытки абсолютистской власти ограничить местное самоуправление путем развития контролирующих органов. Последнее подтверждается тем фактом что, несмотря на содержание полиции городским обществом, подчинена она была губернатору, главному проводнику монаршей власти в регионах. Поэтому вопрос о назначении на ключевые должности полиции был чрезвычайно важным и всесторонне оговаривался в «Уставе благочиния» 1782 года.

Ещё дореволюционные исследователи констатировали, что полиция Российской империи в отличие от западноевропейской создавалась искусственно с целью надзора за населением и предупреждению антиправительственных выступлений [7, С. 306]. Соответственно этим целям велась и кадровая политика империи. Остро стояла проблема кадров в управлении такой большой и отдаленной территорией как Сибирь, особенно учитывая нежелание наиболее образованных чиновников служить здесь. В этой связи очень часто назначать приходилось не самых лучших представителей общества. Серьезное значение при формировании кадров полиции имело происхождение служителя, о чем говорит сам порядок составления формулярных списков, где сразу после графы – имя и возраст, следующей указывалось происхождение. На наш взгляд, это вполне естественно, учитывая, что речь идет о сословном обществе, высокое происхождение было некой гарантией благонадежности и солидарности с властью. Отсутствие специального образования, навыков и способностей к управлению и делопроизводству очень часто являлись причинами плохого качества службы чиновничества и полиции. Положение усугублялось взяточничеством, низкой правовой грамотностью населения и слабым контролем органов власти центральным правительством на окраинах империи. В тоже время значение местных органов власти было чрезвычайно важным, так как они осуществляли прямую связь с высшим руководством губернии.

В конце XVIII в. Верхнеудинск представлял собой уездный город на труднодоступных окраинах Российской империи. Город играл роль связующего звена между Предбайкальем и Забайкальем в продвижении выгодной приграничной торговли с Китаем. Купеческое сословие города было отмечено дарованием в 1783 году права на создание магистрата – органа местного самоуправления (создан в 1784 году). Во главе города стоял комендант при военном гарнизоне, в 1800 году его сменил городничий. Согласно рапорту городского магистрата в 1798 году в Верхнеудинске было 298 домов, проживало 10 чиновников, 30 купцов, 86 мещан, 6 цеховых, 8 приказных служителей, 58 военных, 14 солдатских вдов, 30 казаков, 10 церковных служителей, 2 медицинских чинов и другие [3, л. 39].

Создание городской полиции Верхнеудинска было инициировано военным и гражданским губернатором Христофором Андреевичем фон указом ЕИФ из Иркутского губернского правления от 28 августа 1798 года за №17393 [4, л. 8, 8 об]. Его основанием послужили два указа. Первый от 18 декабря 1797 года предписывал создать полицию по «знатнейшим» городам, где это необходимо, а её содержание возложить на городское общество. Согласно второму на основные должности, основываясь на ЕИВ указе от 30 июня 1798 года, были пожалованы провиантский комиссар Седых и казачий сотник Попов, для чего их возвели в коллежские регистраторы и после присяги назначили первого частным приставом, а второго квартальным надзирателем.

Комендант крепости, прапорщик С. А. Константинов, на имя которого был получен данный указ, основываясь на «Уставе благочиния» 1782 года, составил список полицейских служителей. Штат сотрудников для управы благочиния включал двух ратманов, словесного судью, частного маклера. В штатном расписании городской полиции значились частный пристав (жалование 200 руб.), квартальный надзиратель (150 руб.), канцелярист (100 руб.), подканцелярист (70 руб.), копиист (50 руб.). За основу штата полиции Верхнеудинска был принят штат городской полиции уездного города Старая Руса Новгородской губернии.

Внештатные служители для полиции избирались на общественных началах – сторож для отопления здания полиции, два гражданских сержанта, три квартальных поручика, мастер для огнегасительных орудий и шесть десятских для посылок и несения дозора по улицам, которые, кроме того, являлись пожарной командой [4, л. 10, 10 об]. В последующем появились трубочист [3, л. 76] и 25 караульных, охранявших въезд и выезд из города, которым было положено находиться при полиции [3, л. 61 об]. Составив списки всего необходимого вместе со штатным расписанием, Константинов отправляет распоряжение в магистрат, которому дается распоряжение связаться с земским обществом. Земство в свою очередь должно решить все хозяйственные вопросы по обеспечению полиции и избрать рядовых полицейских из городских обывателей.

К открытию городской полиции 10 октября 1798 года были избраны: ратманом — мещанин Баженов, словесным судьёй Елизов, квартальными поручиками отставные: унтер-офицер Мордовской, казак Лосев и капрал гвардии Резников. Гражданские сержанты после неоднократных требований определены были только в декабре. Ими стали отставные солдаты Гордеев и Сапожников, жившие в городе своими домами, сторожем уволенный от службы из солдатских детей Шелунов. Купцу Мордовскому поручили исполнять обязанности маклера и частного пристава, потому как указанный на эту должность Седых находился под стражей. Согласно «Уставу благочиния» 1782 года частный пристав назначался только губернским правлением, поэтому 1 декабря 1798 года в городскую полицию поступило предложение коменданта Константинова назначить на эту должность все того же Седых. Перечить господину коменданту никто естественно не стал и 2 декабря Седых сообщил в городской ма-

гистрат о принятии присяги и вступлении в должность. Но 23 марта 1799 года он был отправлен в отставку, а на его место назначен Широковских, который занимал эту должность почти год.

Что касается требуемых десятников, то их оставили в прежнем количестве четырех человек без переизбрания, хотя требовалось выбрать шесть [4, л. 23, 23 об, 24]. Но жалобы Попова все же возымели действие и к концу октября 1798 года в полиции служили уже пять десятников Александров, Фирсов, Петров, Гусев, Рудаков [1, С. 52], которые, очевидно, не желая служить в неполном составе, подавали прошения в магистрат об избрании шестого десятника [4, л. 37]. До создания городской полиции присутствия в 1798 году полицейское правление так же требовало от магистрата избрания десятников для службы. Так, в марте 1797 года были препровождены в полицию для службы Филатов, Пыхов, Старцев, Гусев, Петров, Антоновский [6, л. 1]. Возглавлялось это правление тогда сержантом Богдановым, от которого уже указанный выше Попов перенимал дела полиции. Указанные десятники проживали в городе, как правило, имели свои дома и чаще всего относились к мещанству.

По назначенному контингенту служителей хорошо прослеживается важность занимаемых должностей. Ниже ступенью от квартального надзирателя стояли его прямые помощники - квартальные поручики, которые в перспективе могли занять должность надзирателя. Далее идут гражданские сержанты менее важные и менее способные соответственно, а в заключении десятники – нижние чины. Как видно из списков избранных полицейских служителей основная масса определенных к службе, кроме десятников, относится к отставным военным. Причиной этого является имеющийся у них опыт службы, дисциплина которой они обучены и беспрекословное подчинение начальству. В отличие от военных, обыватели часто проявляли своеволие, не хотели подчиняться назначению в службу, поэтому в документах можно обнаружить жалобы магистрата коменданту. В них хорошо видно бессилие магистрата в «приведении в покорность» несогласного с избранием десятника, который отказывается от назначения. В этой связи с течением времени пришло понимание того, что городские обыватели не могут нести полицейскую службу. 26 октября 1799 года Верхнеудинский комендант Д. М. Фролов получил указ ЕИВ о необходимости избирать служителей в полицию преимущественно из отставных чиновников и военных.

Достаточно подробные сведения нам удалось получить о первом квартальном надзирателе. Согласно формулярному списку, Егор Гаврилович Попов родился в 1764 году в Верхнеудинске в казачьей семье. В 1780 году зачислен штатным казаком, с 1787 года стал лекарским учеником, через два года пожалован в урядники, а с 1796 года – в сотники. С 5 июня 1798 года и до учреждения полиции Е.Г. Попов исполнял функции квартального надзирателя и частного пристава. Он был женат на солдатской дочери, имел шесть детей. Очевидно, Попов понимал необходимость получения образования для своих детей, так как трое старших обучались грамоте. Сам он так же знал грамоту,

умел читать и писать «по-российски», владел лекарским искусством, что сыграло не последнюю роль в его назначении 7 апреля 1800 года частным приставом [8, с.284]. В 1809 году он был отстранён от должности за несоразмерность наказанию преступлению (позволил палачу вырвать ноздри некоему Александру сверх положенного ему кнута) [3, л. 302, 302 об].

Как и любое ведомство, полиция старалась изыскать любые, не всегда оправданные, пути получить как можно больше служителей, в то время как мещанское общество старалось избирать минимальное число служителей и, как правило, большинство из них было не способно к службе. В конце октября 1798 года из полиции поступило требование избрать еще трех приказных служителей «для поправки дел полиции» в соответствии со статьями городского положения. Однако магистрат таковой статьи в городском положении не обнаружил [3, л. 34, 35], на основании чего и отказал. Гражданскими сержантами первоначально земское общество пыталось избрать Иволгинского крестьянина Токовина и ясачного Хомякова. Однако это решение не могло быть утверждено магистратом, потому, что избранные не могут служить сержантами ни по званию, ни по рождению (первый живет в селе, а последний в своём роду) [3, л. 54].

К февралю 1799 года ратман Баженов сообщал в магистрат об избрании для полиции четырех десятников, двух гражданских сержантов, трех квартальных поручиков и одного трубочиста [3, л. 76]. На что земское общество предложило оставить на службе прежде избранных квартальных поручиков и гражданских сержантов «по малости городских обывателей», а трубочистом за маловажностью назначить одного из десятников [3, л. 82]. В попытках расширения кадрового состава полицииратман Лепунов, избранный для службы в 1799 году, потребовал от городского общества через квартального надзирателя избрание для себя денщика. Квартальный надзиратель, обращаясь в магистрат, интересовался, законно ли такое требование и если да, необходимо ему денщика обеспечить чтобы он не чувствовал себя обиженным. Однако магистрат счел излишним требование ратмана [3, л. 110, 110 а].

Что касается канцелярских служащих, то в этот период они слабо отражены в документах. Вероятнее всего для ведения делопроизводства нанимались вольные, грамотные люди, либо использовались канцеляристы из канцелярии коменданта. Согласно счетной выписке ратмана Лепунова от 28 мая 1799 года в полиции находились как приказные служители, так и вольнонаемные для исправления письменных дел. Так, в начале года в полиции работали иркутский цеховой Илья Тиунов (за месяц получил 1,5 рубля), солдат Михаил Кривых (за треть года получил 19,32 рубля), канцелярист Григорий Невейкин (за треть 41 рубль), отставной канцелярист Павел Невейкин (за треть 11,65 рублей).

В выписке так же указывались прочие расходы и купленные материалы для канцелярии, среди них сургуч (по 20, 80 коп. и 1 руб. 78 коп.), китайские чернила (за один орешек 50 коп.), сосновые дрова (сажень за 60 коп.), нитки для сшивания дел (45 коп.), бумага (9 руб. стопа), сальные свечи (по 1 коп.),

транспортные расходы 19 рублей [3, л. 94-98]. 3 июня 1800 года комендант Д. М. Фролов рапортует в иркутское губернское правление об определении в полицию регистратором Аверкиева, канцеляристом Невейкина и подканцеляристом Кречетова [4, л. 136, 136 об]. Согласно формулярным спискам, они занимали эти должности до открытия городского полицейского присутствия, работая при городничих делах под руководством коменданта.

Служители, избранные городским обществом для полиции, часто не имели ни способностей, ни желания к несению полицейской службы. Об этом свидетельствует переписка между городской полицией и магистратом. По рапорту квартального надзирателя Попова из состоящих четверых десятников (хотя полагалось шесть) только двое были способными, а двое по старости не могли служить [4, л. 3 об]. То же самое касалось гражданских сержантов, о которых комендант писал магистрату «стары и дряхлы и едва имеют с нуждою хождение в домах своих» [4, л. 63]. Не устраивали господина коменданта и квартальные поручики Лосев и Резников, первый не знал грамоты, а второй злоупотреблял алкоголем. Неграмотным назвался и избранный на должность частного маклера Мордовской, но как показал магистрат, грамоту он не только знал, но и «прилюдно пишет», а потому должен либо найти себе замену, либо служить сам. В то время как Лосеву знание грамоты необязательно, по уставу благочиния он не вел письменных дел [4, л. 41, 41 об]. Иногда для уклонения от службы были и более веские причины, как в случае с назначением отставного солдата, избранного для службы в полиции, мотивировавшего свой отказ «чихотной болезнью», из-за которой он и отправлен в отставку [4, л. 22, 22 об].

Часто полицейские чиновники не соответствовали должности не только в силу отсутствия способностей к службе, но и в силу их морального облика. Особенно частым проступком было пьянство, как среди канцелярских служащих, так и среди высших должностей уезда. Наиболее яркими примерами подобного поведения может стать дело коменданта И.А. Пермякова и пристава Широковского. Из секретного ордера военного губернатора Леццано известно о пьянстве и буйстве коменданта, майора И. А. Пермякова [5, л. 1-2об]. Находясь «во всегдашнем пьянстве», комендант часто впадал в некое сумасбродство, доходившее до того, что со шпагой бросался на жену и дочь и пытался покончить с собой. Губернатор требовал получения от штатного лекаря свидетельство с указанием точной причины этого сумасбродства. За свое поведение Пермяков, смещенный с должности коменданта, попал под следствие. Известны и неприличные поступки частного пристава Широковского, который избивал жену и имел связи с непотребными женщинами. Губернатор Леццано так же интересовался «подлинно ли он [Широковских] находится всегда в пьянстве и имеет незаконнорожденных детей».

Таким образом, проблема кадрового обеспечения Верхнеудинской городской полиции в конце XVIII в. и в целом присутственных мест на окраинах империи представляется актуальной. Непосредственно при создании полицейского присутствия коменданты столкнулись с рядом кадровых трудностей.

Штат полицейских управлений включал в себя служителей двух категорий – назначаемых и избираемых. На ключевые должности служители назначались губернским правлением, остальные – выбирались из городских обывателей (прежде всего мещане и купцы). Таким образом, власти добивались подчинённости нового органа, назначая на начальствующие должности ставленников, управлявших избранными от города служителями.

Основной проблемой являлось то, что большинство выборных не только не имели специальных навыков к несению полицейской службы, но и желания, поскольку большинство должностей оставалось на общественных началах. В результате того, что городские жители не хотели отрываться от своих повседневных занятий, на службу в полицию часто избирались люди преклонного возраста и неподобающего здоровья, а так же те, кто вообще не мог нести службу в силу своего происхождения и места проживания. Некоторые же из тех кто избирался и имел способности, не получая жалования, старались любым способом отказаться от службы. При таком положении дел возникает вопрос о качестве полицейской службы, которое не могло находиться на должном уровне в силу не заинтересованности полицейских служителей в своем труде.

Необходимо также отметить, что служители, занимающие полицейские должности, в том числе назначенные губернским правлением не имели и не могли иметь специального образования, которое еще не появилось к тому времени. Вопрос о специальном образовании неоднократно поднимался в XIX и начале XX в., но фактически в масштабах страны так и не был решен. Оставлял желать лучшего и моральный облик многих полицейских служителей, за которым пыталось следить высшее начальство. Часто полицейские были замечены в пьянстве, превышении должностных полномочий и прочих аморальных поступках, что, безусловно, не способствовало повышению престижа полиции в глазах общества.

Список источников и литературы

1. Байбородин В.А. История пожарной охраны г. Верхнеудинска – Улан-Удэ // Верхнеудинск: вехи истории (4 апреля 2014 г., г. Улан-Удэ): мат. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. – С. 50–62.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 11, оп. 9, д. 1.
3. ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 5891.
4. ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 716.
5. ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 696.
6. ГАРБ, ф. 90, оп. 2, д. 3.
7. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1.: Города России в XVIII столетии / И.И. Дитятин. – Санкт-Петербург: Типография П.П. Меракульева, 1875. Т. 1. – 507 с.
8. Евтехов Р. А. Проблема кадровой составляющей Верхнеудинской городской полиции при её создании в 1798 году // Поколение будущего: взгляд

молодых ученых – 2014: сб. науч. ст. 3-й междунар. молод. науч. конф. (13-15 ноября 2014) / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск: Изд-во Юго-Зап. гос. ун-т, 2014, Т. 1. – С. 283–287.

Евтехов Роман Артурович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: romachka1818@rambler.ru.

Evtekhov Roman Arturovich – a post-graduate student of Department General and Native History, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: romachka1818@rambler.ru.

УДК 94(571.54)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-55-61

© Н. Е. Жукова, © Е. Н. Палхаева

Деятельность общественных организаций Бурятии (вторая половина 1920-х гг.)

Статья посвящена анализу деятельности республиканских общественных организаций во второй половине 1920-х гг. В работе сделан акцент на основных характеристиках и тенденциях развития, которые были присущи общественным организациям во второй половине 1920-х гг., а именно: массовость, директивный механизм стимулирования работы, недостаток демократических начал в управлении общественными организациями, оторванность их руководства от основной массы рядовых членов.

На данном этапе отношения между различными обществами и органами государственной власти претерпевают значительные изменения, что отразилось на характере их функционирования. Существование различных общественных организаций как одной из форм содействия политики органов государственной власти, стало основанием для всесторонней регламентации и контроля над обществами. Последнее обстоятельство изменило саму природу общественных организаций, сделало их адаптированными и включенными в политическую систему. Прямым следствием установившегося контроля государственной власти в Бурятии стал масштабный внутренний кризис общественных организаций, а также полное доминирование массовых обществ над другими видами общественных организаций.

Ключевые слова: общественные организации, власть, административно-идеологический контроль, кризис.

© N. Zhukova, © E. Palkhaeva

Activity of public organizations of Buryatia (the second half of the 1920th)

Article is devoted to the analysis of activity of the republican public organizations in the second half of the 1920th. In work the emphasis is placed on the main characteristics and tendencies of development which were inherent in public organizations in the second half of the 1920th, namely: mass character, the directive mechanism of stimulation of work, a lack of democratic principles of management of the public organizations, isolation of their management from bulk of rank-and-file members. At this stage of the relation between various societies and bodies of the government undergo considerable changes that was reflected in nature of their functioning. Existence of various public organizations as one of forms of assistance of policy of public authorities, became the basis for a comprehensive regulation and control over societies. The last circumstance changed the nature of public organizations, made them adapted and included in political system. Large-scale internal crisis of the public organizations and also complete dominance of mass societies over other types of public organizations turned out to be a direct consequence of the established control of the government in Buryatia.

Key words: public organizations, power, administrative and ideological control, crisis.

Одной из ведущих политических тенденций 20-х гг. XX в. стал процесс национально-государственного самоопределения народов молодого советского государства. В 1920-гг. процесс создания самостоятельной государственности у отдельных народов зашел далеко и возврата на обновленной основе не предусматривался [12]. Создание Бурят-Монгольской автономной республики, вхождение ее в правовое пространство РСФСР способствовало формированию общественных организаций, социалистических по форме и содержанию. Формирование общественных организаций в республике произошло позднее, чем в центральных районах страны, что было связано со становлением автономной государственности бурятского народа.

Во второй половине 1920-х гг. в республике завершается процесс создания общественных организаций, среди которых ключевую роль играли так называемые «массовые» общества – «Долой Неграмотность!», «Друзья Детей», Союз безбожников и другие. Созданные общества представляли отражение гражданской активности и инициативности населения, проявленной в первые годы после образования республики. Общей целью для всех общественных организаций было некое преобразование социальной и культурной действительности сообразно новым общественным идеалам и ценностям.

Безусловно положительный эффект имела работа республиканского общества «Долой неграмотность!», целью которого стала ликвидация неграмотности населения республики. Для достижения поставленной цели обществом проводились разнообразные мероприятия – «трехдневники» и «недели» лик-

ликвидации неграмотности, создавалась сеть ликпунктов, читались доклады и лекции. Достижения и недостатки работы ОДН изложены во вступительной части циркулярного письма «О работе на зимне-весенний период» в октябре 1927 г. В качестве положительных сторон работы отмечено создание пунктов ликвидации неграмотности, которые организовывались при инициативе и финансовой поддержке ячеек ОДН. Также отмечалось, что проведение агитационной работы, вызвало «заинтересованность рабоче-крестьянских масс в деле ликвидации неграмотности» [2, Л. 23].

Такое же положительное значение имела деятельность созданного в 1926 г. общества «Друзей Радио», которое имело при Дворце Труда в г. Верхнеудинске радиостудию, где проводились радиоконкурсы и радио концерты. В программе радиоконцертов было широко представлено национальное искусство, устраивались всевозможные конкурсы и вечера самодеятельности [9, С. 179].

Большую работу по изучению природных ресурсов Бурятии осуществляло научное общество им. Доржи Банзарова. Работа научного общества заключалась в проведении исследований флоры и фауны, геолого-минералогических изысканий, изучения производительных сил республики. Для организации научно-исследовательской работы в обществе были созданы физико-экономическая, политико-экономическая и историко-этнографическая секции. В 1927 г. была образована секция школьного краеведения. Научным обществом для популяризации краеведческих знаний издавался совместно с Бурятским ученым комитетом журнал «Бурятияведение», а также публиковались статьи в журнале «Жизнь Бурятии» [10, С. 25].

Следовательно, во второй половине 1920-х гг. ряд общественных организаций действительно способствовали развитию новых форм социального взаимодействия, а их цели, задачи и повседневная деятельность были направлены на решение многих общественно значимых проблем.

Однако не вся преобразовательная деятельность общественных организаций может быть оценена однозначно положительно. Существование отдельных обществ было продиктовано реализацией разнообразных государственных задач, идеологического обоснования политики правящей партии, в связи с чем эффективность их работы заметно снижалась. Ввиду того, что работа некоторых общественных организаций была рассмотрена подробно в ряде публикаций авторов [11], здесь следует обратить внимания на ключевые характеристики развития общественной сферы второй половины 1920-х гг.

Следствием партийно-государственной политики по отношению к общественным организациям стал их внутренний кризис, продолжившийся в течение всего рассматриваемого периода. Признаками этого кризиса стало повсеместное падение членской активности, отсутствие систематической внутренней работы и связи между республиканскими ячейками. Так, например, делегаты Тункинской аймачной конференции МОПРа в 1927 г. подчеркивали, что в ячейках «нет массовой работы. В некоторых ячейках по году не проводились

общие собрания. ...Литература не распространена, лежит она в ячейках в хаотическом состоянии» [1, С. 4]. В протоколах заседаний Троицкосавской городской конференции МОПРа делегатом было отмечено, что «несмотря на целый ряд как письменных, так и устных указаний со стороны Айкома МОПРа [ячейки] работу совершенно не ведут, нет учета членов, членский взнос полностью не собирается, имеется задолженность, отсутствует воспитательная работа, к проводимым кампаниям относятся пассивно...» [3, Л. 28]. Деятельность организации поддерживалась с помощью проведения «Неделя МОПРа», в рамках которых объявлялся денежный для заключенных капиталистических тюрем, отправлялись письма, телеграммы и воззвания пролетариату капиталистических стран против общих классовых врагов. Вместе с тем, это достигалось увеличением внутреннего административного влияния, а также определенного воздействия со стороны партийно-государственных органов

Внутренний кризис сопровождал и работу образованного в 1926 г. республиканского Союза Безбожников. Анализ протоколов заседаний и конференций дают представление об эпизодической работе ячеек союза, показывают явное нежелание населения принимать участие в антирелигиозной работе. В отчете заведующего агитационно-пропагандистским отделом Тункинского айкома ВКП(б) Найданова за 1928 г., содержатся сведения о несистемной работе союза, о том, что были проведены антирелигиозные вечера и антипасхальная кампания. В документе также указывалось, что «...директивы по этому вопросу на места были данные своевременно. Однако проведена известная работа только в Аймцентре, Коймарах и Тунке. В бурятских и смешанных районах никакой работы проведено не было» [4, Л. 45]. В качестве подведенного итога деятельности констатируется, что «ячеек СБ в аймаке фактически не существует. В аймцентре и то никакие меры не дают результатов» [там же].

О проблемах внутрисоюзной жизни писал в своем обращении к товарищам секретарь Союза А. Данилов: «... Все наши мероприятия по систематизации антирелигиозной работы в аймаках не увенчаются успехом. Даже после двухлетнего существования Бурорганизации безбожников в областном Совете нет точных данных о количестве членов СБ и ячеек по отдельным районам, а также неизвестно что делается на местах во время антирелигиозных праздников» [5, Л. 74].

Причины откровенно слабой работы ячеек Союза безбожников делегаты практически всех аймачных конференций видели в отсутствии партийного руководства работой низовых ячеек. На совещании секретарей ячеек города Верхнеудинска 10 сентября 1928 г. отмечалась низкая активность членов партии в процессе деятельности союза и проведении «антирелигиозной кампании»: «Партийцы говорили, что нам эта работа не нужна, лишь только потому, что мы сами в бога не верим», и далее «...они очень халатно относятся к этому», «ввиду халатного отношения к своей работе членов СБ бывает очень трудно собрать собрание или бюро» [6, Л. 23]. Докладчик, председатель ячейки безбожников при Винскладе, назвал отсутствие результатов работы ячейки прямым следствием недостатка партийного руководства: «...Библиотеки и

уголка при ячейке не имеется. Работы никакой нет ввиду того, что нет партруководства со стороны партиячейки» [там же]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что большинство членов Союза были членами и кандидатами РКП(б) и ВЛКСМ демонстрирует явную неэффективность присутствия партработников в составе СБ.

Практика насаждения единственно верного атеистического мировоззрения, сочетаясь с применением методов административного принуждения, порождала формальное отношение населения к работе Союза. Постепенно в ситуации отсутствия идеологического выбора, жесткого всеохватывающего контроля над личностью, формировался определенный «общественный инфантилизм». Члены добровольной общественной организации, объясняя недостатки своей работы недостаточным партийным руководством, устраняли себя от активной общественной деятельности. Безусловно, в случае с необходимостью изменения традиционного религиозного мировоззрения, подобная общественная пассивность являлась оправданной, однако во второй половине 1920-х гг. она распространилась на все формы общественной самодеятельности.

Характерной чертой общественных организаций второй половины 1920-х гг. стало их функционирование как обществ «содействия социалистическому строительству». В этом качестве они мобилизовали народные массы для исполнения уже сформулированных государственной властью задач, двигаясь в заданном коридоре готовых решений. Большинство массовых организаций концентрировали общественную активность в ключевых направлениях политического и социального развития. Более того, все члены обществ были активными участниками политических кампаний. Например, в период выборов в городской Совет г. Верхнеудинска в 1928 г. республиканский МОПР поставил цель вовлечь всю массу членов в перевыборы в Советы. Работа МОПРа была построена под характерным для времени лозунгом: «Каждый член МОПР – активный участник в перевыборах в Советы!» [7, Л. 65]. Политизация общественных организаций, как и в целом общественной жизни, стала непременным атрибутом, символом происходивших преобразований.

Проявившейся к концу 1920-х гг. недостаток демократических начал в управлении общественными организациями, оторванность их руководства от основной массы рядовых членов также свидетельствуют о кризисе массовых обществ. Еще в 1927 г. в циркулярном письме «О работе на зимне-весенний период», адресованном обществу «Долой неграмотность!», подчеркивалась оторванность ячеек ОДН от крестьянских масс и, как следствие, отсутствие у последних интереса к работе общества, а также формальное отношение членов общественной организации к своим обязанностям [там же].

В общественно-политических условиях конца 1920-х гг. рост количества партийных членов в массовых организациях казался единственно верным способом стимулирования общественной активности и обязательным условием их существования. В 1928 г. председатель Верхнеудинского городского совета ОСОВИАХИМА констатировал ослабление работы общества, причину чего он

видел в том, что «парткомсомольские и профсоюзные организации до сего времени не уделяют должного внимания военной осохимовской работе, а подчас даже не интересуются ею» [8, Л. 45]. В качестве решения данной проблемы бурятский областной комитет ВКП(б) постановил «принять решительные меры к вовлечению 100% членов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также работников и работниц госпредприятий в члены ОСОВИАХИМА» [там же]. К этому стоит добавить, что председателем почти всех обществ в разные годы избирался М.Н. Ербанов, а члены СНК Бурят-Монгольской АССР занимали ключевые позиции в общественных организациях.

Таким образом, развитие общественных организаций Бурят-Монгольской АССР во второй половине 1920-х гг. проходило в условиях нарастания партийно-государственного контроля, которая привела к доминированию в республике однотипных массовых общественных объединений, охвативших большинство населения. Сформированные общества, фокусировали общественную инициативу, приспособлявая ее к государственному видению функций советской общественности.

Государственный идеологический контроль, обозначив рамки проявления общественной инициативы, изменил природу существующих обществ. Добровольные массовые организации создавались при активном участии государственной власти, которая всецело регламентировала их деятельность, что стало главной причиной отчуждения населения от работы в них. Добровольные массовые общества являлись инструментом идеологического влияния партии, способом насаждения официальной идеологической концепции. Массовые организации стали частью механизма тотального, всеобъемлющего контроля над общественной жизнью, действуя в рамках единых централизованных структур, которыми было охвачено все общество снизу доверху.

Литература и источники

1. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1927. - № 59, от 18 марта. – С. 4.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л.23.
3. ГАРБ, Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 1а. Л. 28.
4. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.\
5. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 24. Л. 74.
6. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
7. ГАРБ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д.1. Л. 65.
8. ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1287, Л. 45.
9. История Бурятии: в 3 т. Т. 3 – XX-XXI вв. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 179.
10. Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. [Текст] / Бурят-Монгольское общество им. Доржи Банзарова. - Верхнеудинск, 1929. – С. 55.

11. Палхаева Е.Н., Жукова Н. Е. Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. / Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 7. – С. 19-22.

12. Палхаева Е.Н., Митупов К.Б. Общественно-политические условия советского национально-государственного строительства (1917–1923 годы) [Электронный ресурс] / Е.Н. Палхаева, К. Б-М. Митупов // Современные проблемы науки и образования. - № 6, 2013. Режим доступа: <http://www.science-education.ru>. (Дата обращения: 14.03.2015).

Палхаева Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: palelizaveta@yandex.ru.

Жукова Наталья Евгеньевна – кандидат исторических наук, г. Улан-Удэ, e-mail: nataliiiuk@mail.ru.

Palkhaeva Elizaveta - Doctor of History, Professor, the Head of Department General and Native History, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: palelizaveta@yandex.ru.

Zhukova Natalya – Candidate of History, Ulan-Ude, e-mail: nataliiiuk@mail.ru.

УДК 39(512.3)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-61-67

© Ц. Ч-Ц. Хобраков, © Н. В. Абаев

**Об этнонимах «бурят», «баргут», «борджигин»
в связи с этногенетическими корнями бурят-монгольской
школы единоборства «Шонын-баша»**

В статье рассматривается этимология этнических наименований «бурят», «баргут» и «борджигин» в связи с этногенетическими истоками бурят-монгольской школы боевого единоборства – «Шонын-баша» («Стиль Небесного Волка»).

Авторы выдвигают предположение, что эти этнонимы этимологически связаны с этногеографическим понятием «Баргуджин-Тохум» и с зооморфными тотемными предками тюрков и монголов Внутренней Азии (тюркск. *бөрү*; бур-монг. *шоно*), которые стали тотемистическими покровителями бурят-монгольской школы боевого искусства «Шонын-баша». При этом выдвигается концепция о том, что этноним *бөрү* в форме «*бөрү-га*», означающей «произошедший от Небесного Первопредка Волка», стал основой для этнонима «барга» и топонима «Баргузин», от которого произошло понятие «Баргуджин-Тохум». Имя первопредка «монголов Чингис-Хаана» - Борте-Чино, по мнению авторов, тоже связано с этнонимом *бөрү*, который в данном случае повторен дважды в древнетюркской и монгольской формах. В свою очередь, этноним «борджигин» также связан одновременно с этнонимами *бөрү* и *баргут*, с одной стороны, и с топонимом *Баргузин* – с другой.

Ключевые слова: Этнонимы «бурят», «баргут», «борджигин», бурят-монгольская школа единоборств «Шонын-баша», топонимы Баргуджин-Тохум (Баргузин), тотемные предки, Небесный Волк.

© Ts. Hobrakov, © N. Abaev

**Ethnonyms “Buryat”, “Bargut” and “Bordzhigin”
in connection with ethnogenetic roots of Buryat-Mongolian School of the Martial Arts named “Shonyn-Basha”**

The article discusses the etymology of the ethnic names “Buryat”, “Bargut” and “Bordzhigin” in connection with ethnogenetic origins of the Buryat-Mongolian School of the Martial Arts – “Shonyn-Basha” (“The Heavenly Wolf”). The authors suggest the possibility that these ethnonyms are etymologically related to the ethnogeographical notion of “Bargudzhin-Tohum” and with zoomorphic totemic ancestors of the Turks and the Mongols of Inner Asia (turk. *бөрү*; bur.-mong. *шоно*), who became patrons of the totemic Buryat-Mongolian School of the Martial Arts “Shonyn-basha”.

At the same time put forward the concept that the ethnonym *бөрү* in the form of “*бөрү-га*”, which means “descended from Heaven ancestor Wolf”, became the basis for the ethnonym “Barga” and the toponym “Barguzin”, from which derives the concept of “Bargudzhin-Tohum”. The name ancestor “of the Mongols of Genghis Khaan” - Borte-Chino, according to the authors, is also associated with the ethnonym *бөрү*, which in this case is repeated twice in the ancient Turkic and Mongolian forms. In turn, the word “Bordzhigin” is also associated with both ethnonyms *бөрү* and *Bargut*, on the one hand, and with the toponym *Barguzin* - on the other.

Key words: ethnonyms “Buryat”, “Bargut” and “Bordzhigin”, Buryat-Mongolian School of the Martial Arts – “Shonyn-Basha”, toponyms Bargudzhin-Tohum (*Barguzin*), totemic ancestors, The Heavenly Wolf.

В свое время выдающийся бурятовед Ц.Б. Цыдендамбаев уже установил этимологическую связь между этнонимами «бурят», «баргут», «борджигин» и топонимом-этнонимом «баргузин». Но его гипотеза была отвергнута из-за того, что связь между этнонимами «бурят» и «баргут», а также топонимом «Баргузин» невозможна по чисто лингвистическим причинам. Но мы считаем, что Ц.Б. Цыдендамбаев был в принципе прав, только он не учел промежуточную форму «бёру-га» - «произошедший от Небесного Волка «бёру», на что может указывать частица «га».

При этом оппоненты Ц.Б. Цыдендамбаева не учитывали тэнгрианскую религиозно-мифологическую составляющую большинства этнонимов, связанных с понятием «Небесный Волк», которое в тюркских и монгольских языках передавалось разными этническими наименованиями. Не учитывалась также этимологическая связь соответствующих этнонимов и эпонимов с названием бурят-монгольской школы боевого искусства «Шонын-баша», которая сохра-

нилась до настоящего времени именно у баргузинских бурят из рода Ехэ-Шоно.

Судя по генеалогическим легендам и преданиям баргузинских бурят именно Баргузинская долина породила наименование «Золотого Рода» монголов Чингис-Хаана – «борджигин», которое, по нашему мнению, является диалектным вариантом этногеографического названия *Баргуджин-Тохум*, позднее, при переходе на уйгурское письмо, подвергшееся небольшому искажению под влиянием, во-первых, особенностей уйгурской письменности, во-вторых, естественных фонетических изменений в местных диалектах урянхайско-уйгурского и тюркского происхождения в процессе языковой монголизации, начавшейся еще в период правления тюркских и уйгурских каганатов в данном регионе.

Такие искажения были вполне естественны в силу известного лингвистического закона тюрко-монгольского сингармонизма, из-за которого гласное в первом слоге побуждало произносить последующие гласные с использованием первого. В результате, если, скажем, в первом слоге стояла фонема «а», то и в последующих слогах должен был произноситься этот гласный звук, например, в двухсложном этнониме «сал-чак», состоящим из двух слов «сал» и «чак», последнее первоначально имело форму «чик» (племенное название, произошедшее от наименования царского рода скифов – сак//сака//сагай//сакья//сакит//сакит//сакаит//саха), которое имело также форму «чигиль», но под влиянием первого корнеслова «сал» приобрело фонетическую форму «салчак» по отношению к тувинскому племени и форму «салджиут» в названии монгольского племени. А в названии другой западно-тувинской этнической группы «хемчик» под влиянием древнесамодийского корня «хем» - «река» вторая часть этнонима сохранила форму «чик».

Далее, от формы «чик» происходит известное нарицательное название храброго воина и искусного наездника – «джигит», а от формы «чак» произошел собирательный метаэтноним, объединивший в себе скифское племенное название сак//чак//чик//жак//жек и пр., а также этнонимы с теле- уйгурским, урянхайским субстратом – чагыт (ср. название озера Чагытай в Туве и имя одного из чингизидов), с которым связан так же и урянхайско-уйгурский этноним «чак-тува», обозначающий северных уйгуров, проживающих в Туве: например, хакасские фамилии Котожеков, Патачаков, Тугужеков, Боргояков и др. При этом существовало также множество хакасских, тувинско-урянхайских, и северно-уйгурских, саха-урянхайских и урянхайско-монгольских этнонимов и связанных с ними топонимов и родовых фамилий скифо-арийского и тюрко-монгольского (туранского) происхождения (например, западно-тувинская родовая фамилия Ооржак, названия монгольских племен салджиут, тайджиут и т.д.

Поэтому в изначальном корнеслове «бөрү», от которого произошел этноним «бурут», означающий «племя волков» в тюркских языках, доминировав-

ших в домонгольскую эпоху, при языковой монголизации гласная «ө» могла естественным образом перейти в «а» при обозначении территории, на которой проживало племя волков, обозначавшееся в монгольских диалектах «шоно» и в старомонгольской письменности («уйгурское письмо») обозначавшееся словом «чино», которое присутствует в имени первопредка монголов Чингис-Хаана – «Бортэ Чино» («Серый Волк»). Кстати, в первой части этого имени присутствует корнеслово «бёрю»//«бөрю», которое при добавлении суффикса «ка»//«ха»//«га» превращалось в «бөрю-га», в разговорной речи звучавшее как «барга»; соответственно, территория расселения этого племени могло писаться «Баргу-ин» - «Баргузин». Кроме того, наша версия получает дополнительное подтверждение тем, что прямые потомки скифо-ариев, проживавшие в Саяно-Алтае, назывались «чиками», поэтому их потомки из родов и племен «Семи Волков» (четти-бюр) вполне могли называться «бёрю-чигийн», где последний суффикс «н» обозначает, как и «ка»//«ха»//«га», существительное в именительном падеже, а также происхождение от кого-либо, т.е. имеет смысл «произошедший от кого-либо».

Именно слово «Баргу-ин» употребляется в старомонгольской письменности, на которой составлена летопись «Алтан Тобчи» Мэргэн Гэгэна (18 в.) и в которой повествуется о прародителе рода Чингис-Хаана *борджигин* – Бортэ Чино, «тибетском царевиче», пришедшем с Юга к монголам из Тибета (т.е. с Верховьев Хуанхэ, где проживали потомки гуннов-хунну, еще раньше заключившие династийные браки с протомонголами *сяньбийцами*), который пересек «Тэнгис-Далай» - «Небесное Море» и вступил в брачные, династийные и военно-политические союзы с правящими родами местных племен.

Вот как описывается появление в местах проживания монголов Бортэ Чино в «Алтан Тобчи» Мэргэн-Гэгэна, и это описание вполне согласуется с нашей версией о том, что предок монголов двигался через Восточную Туву: «...сын Неба Бортэ Чино, бежавший от смуты чиновников, по благословлению /Неба/ прибыл в бэдскую землю (от Бедий-Тайга, название местности в Тоджинском кожууне; слово «бедий», «бедик» букв. означает «высокий», в данном случае «высокогорье», «Тайга» - Н.А.). В ту пору умер Кедуйин, нойон рода *да дза* (древнее название тувинцев-тоджинцев; от «тас» - «олень», «лось»), живущего на горе Бурхан-Халдун, расположенного на берегу Байгал мурэна. Его беременная жена Марал Хатун, из рода гова, встретила /Бортэ Чино/ и отдала /ему/ предпочтение как потомку небесного Ибегелту-хана и сделала его Владетелем дома. С этим согласилось племя *бэдское* /т.е. жители Бедий-Тайга/ и возвело его в достоинство эдзэна. Башата, сын той княгини от первого мужа, стал /родоначальником/ рода тайджиут. На 29-м году /жизни/ Бортэ Чино у него родился сын Батачи-хан. Это было во 2-м году Чжэнь Юань /правления/ Дэ Цзуна танской династии в лето «красного тигра» (Балданжапов «Алтан Тобчи», 1970, с.137).

Следуя этому указанию авторов средневековых летописей о том, что Бортэ Чино пришел с Юга из Тибета, а затем пересек Тэнгис-Далай, некоторые современные бурятские авторы утверждают: чтобы попасть в Баргужин-

Тохум, он «переплыл Байкал». Однако это утверждение не очень логично, если считать, что он двигался с Юго-Запада, то сначала должен был проникнуть в Прибайкалье, а затем с Севера пересечь Байкал, т.е. совершить огромный круг по горной тайге, тогда как Баргужин-Тохум начинался от Правобережья Енисея и, чтобы попасть в этот край с Юга, достаточно было пересечь небольшую речку между Тувой и Монголией, которая в настоящее время называется Тес-хем, что является сокращением от «Тенгис-хем». При этом она впадает в озеро Упса-нур, которое в средневековье в монгольских языках так же (как и Байкал) называлось «Тенгис-Далай». Затем Бортэ Чино было достаточно пересечь Енисей в его верховьях и, двинувшись на Северо-Восток, углубиться в Баргужин-Тохум.

Мэргэн Гэгэн, развивая теорию о тибетском происхождении Бортэ Чино, который, якобы, принадлежал к династиям тибетских и индийских царей, писал, что «имя Бортэ чино получилось от ошибочного написания /слова/ Мукрицамбо» [Балданжапов, «Алтан Тобчи», 1970, С. 33]. В данном случае явно прослеживается «обоснование» идеи происхождения монгольских ханов от тибетских и индийских царей путем отождествления имени Бортэ Чино с именем тибетского принца Мукрицамбу [там же, С. 25]. Если, таким образом, можно было «перепутать» два совершенно непохожих по звучанию имени, то наша версия о том, что название Баргузин в монгольских летописях смешивалось и «путалось» с наименованием царского рода Чингис-Хаана *борджигин* выглядит более чем убедительной, тем более, что оба названия связаны с именем Бортэ Чино, которое в диалектном произношении весьма похоже на оба названия.

По Рашид-ад-дину имя «Буртэ чинэ» происходит из Эргунэ-кун, Прародины всех тюрков и монголов, которая, по нашей версии, находилась в Восточном Саяне, т.е. в Западной Бурятии или Восточной Туве, что тоже подтверждает нашу вышеизложенную версию о маршруте Бортэ Чино. «Тайная история монголов» тоже утверждает, что предком Чингис-Хаана был «Бортэ чино, родившийся по изволению Вышнего Неба» [см.: там же, с. 37]. Генеалогические легенды самих баргузинцев утверждают, что вообще первая часть имени «Бортэ» восходит к названию одного из элитных родов эхиритского племени «Борсой» (т.е. Борсой Шоно; в устной речи «борсой-шоно», особенно в баргузинском диалекте и звучит почти одинаково как «бортэ-чино» и «борджигин»). Утверждается также, что имена всех предков Чингис-Хаана связаны с Баргузином, в частности, с именами Хорёдой Мэргэна, прародителя хоринцев, и с именем Баргуджин-Гоа, а так же Батачи-хана (варианты: Бата-Чиган, Бата-Саган, Бата-Чаган).

Что же касается корнеслова «бар», означающего «лев», «барс», «тигр», то в данном случае оно имеет лишь косвенное отношение к нашим баргузинским баргутам, поскольку в нем фигурирует именно тотемное животное львиной и тигриной породы, а не нашего тотемного Волка, и было больше распростране-

но у скифо-ариев и тюрков. При этом у скифов существовало специальное этносоциальное подразделение (или, точнее, воинская каста, состоявшая из особо подготовленных, храбрых и стойких воинов), которое во время сражения ставилось впереди – «паралаты» (от «бар»+«араты»).

Позднее, у тюрко-монгольских потомков сибирских скифов слово «бар» (диалектный вариант «пар») стало вообще обозначать самых храбрых воинов. Кроме того, восточно-тувинский, тоджинский род «бараан», одновременно связанный с палеоазиатским самодийским населением Тоджи и с уйгур-уряньями Саяно-Алтая, как раз и проживает до настоящего времени на территории Тувы от Правобережья Енисея до западной части Бурятии, которая и входила в этно-географическое понятие Баргуджин-Тохум.

Кстати, Баргузинский край до гибели Меркитского государства, которым управляли хаас-меркиты, назывался «Кол-Баргуджин-Тохум», из чего следует, что данный регион был органичной составной частью общего урянхайско-монгольского и тюркского центра. На это указывают и данные средневековых источников, согласно которым территория Баргуджин-Тохума начиналась от правобережья Енисея и заканчивалась на южном берегу Байкала (по-тюркски «Бай-Хол//Холь//Куль» - «Богатое /Священное/ Озеро//Море», по-монгольски «Байгал» - «Священный Огонь»).

Этот духовно-энергетический центр и обозначался понятием «монгол», которое буквально переводится «настоящий центр жизненной энергии, главная артерия (точнее, энергетический канал силы и харизмы)». Поэтому становится понятно, почему монголы Чингис-Хаана и урянхайцы Субудая сделали этноним «монгол» общим этнополитонимом своей империи «Хамаг Монгол Улс», т.е. метаэтническим, суперэтническим термином, объединяющим всех родственников тюрко-монголов Евразии.

Литература

1. Абаев Н.В. Культ священных гор и тэнгрианский эпос бурят-монголов. Приложение №1. «Кодекс Чести истинного бурята». – Отв. ред. В.М. Мантыков. - Улан-Удэ, 2014.
2. Абаев Н.В. Тэнгрианский культ священных гор и героический эпос монголо-бурят. – Улан-Удэ, 2014.
3. Зориктуев Б.Р. О происхождении и семантике этнонима бурят // Монголо-бурятские этнонимы. - Улан-Удэ, 1996.
4. Балданжапов П.Б. Заметки о топонимике Забайкалья // «Этнографический сборник». – Улан-Удэ. – Вып. 1, 1960.
5. Балданжапов П.Б. Алтан Тобчи. – Улан-Удэ, 1970.
6. Бурядай туухэ бэшэгууд. - Улаан-Уд: Бурядай номой хэблэл, 1992.
7. Жигмитов Б. Гайхамшаг хунуудэр баян юм даа Буряад оромнай: Мугы Лубсан // Буряад Үнэн. - Улан-Удэ, 2014.
8. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.

9. Чагдуров С.Ш. Эргунэ-хун – прародина монголоязычных родов и племен // Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Докл. Российской делегации. – М., 1997.

10. Чагдуров С.Ш. Горная Бурятия – прародина всех монголов // Филологический сборник. – Улан-Удэ, 1999.

Хобраков Цыбик Черип-Цынгеевич – мастер-наставник школы единоборств «Шонын-баша», г. Улан-Удэ.

Абаев Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Hobrakov Tsibik – master-instructor of School of the Martial Arts “Shonyn-Basha”, Ulan-Ude.

Abaev Nikolay – Doctor of History, Professor, the Head of Laboratory of Civilizational Geopolitic, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 930(571.54)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-67-72

© С. З. Ахмадулина

Особенности становления и развития римско-католической общины в Бурятии

Автор, основываясь на материалах Государственного архива Республики Бурятия, воссоздает историю формирования и становления римско-католической общины, подробно рассматривает деятельность католиков на территории современной Бурятии. Становление и развитие римско-католической общины в рассматриваемом регионе имело свои отличительные особенности: костяк составили сосланные на поселение участники польских восстаний XIX в. члены революционных кружков, а также квалифицированные рабочие, прибывшие из Польши и Литвы на строительство Транссибирской магистрали. Основная масса католиков проживала на станциях железной дороги. Сохранить национальную самобытность, культуру, традиции и духовное единство полякам и литовцам помогало участие в деятельности общины: общение в храме совместные молитвы, празднование церковных праздников, всемерная поддержка со стороны прихожан - католиков.

Ключевые слова: Римско-католическая община, католическая церковь, Республика Бурятия, национальные меньшинства, религиозная ситуация, конфессии, веротерпимость, культовая практика.

© S. Akhmadulina

Features of formation and establishment of the Roman Catholic community in Buryatia

The author, basing on the materials of the State archive of the Republic of Buryatia, which recreates the history of formation and establishment of the Roman Catholic community, considers in detail the activities of Catholics in the territory of modern Buryatia. The formation and development of the Roman Catholic community in the region had its own distinctive features: the backbone of the who had been exiled to the settlement, the participants of the Polish uprisings of the nineteenth century, members of revolutionary groups, as well as qualified workers who came from Poland and Lithuania on the construction of the TRANS-Siberian railway. The majority of Catholics lived on the railway stations. To preserve national identity, culture, traditions and spiritual unity of the poles and the Lithuanians helped participate in the activities of the community: communication in the Church of common prayer, the celebration of religious holidays, the full support of the Catholic parishioners.

Key words: The Roman Catholic community, the Catholic Church, Republic of Buryatia, ethnic minorities, religious situation, denominations, religious tolerance, religious practice.

Одной из актуальных проблем общественных наук последних лет стало воссоздание истории формирования и становления конфессиональных образований на окраинах российского государства. История католицизма в Сибири насчитывает почти два столетия. Католическая община в Бурятии начала складываться во второй половине XIX в. Ее костяк составляли сосланные на поселение участники польских восстаний 1830-1831, 1863 годов, а впоследствии – члены революционных кружков, а также квалифицированные рабочие, прибывшие из Польши и Литвы на строительство Транссибирской магистрали. Кроме поляков и литовцев католиками были армяне, чехи, итальянцы, проживавшие на территории республики. Основная масса католиков проживала на станциях железной дороги в Мысовске, Танхое, Верхнеудинске, Петровском Заводе и Хилке.

Среди поляков, сосланных на поселение в г. Верхнеудинск, было немало образованных молодых людей, занимавшихся частной преподавательской деятельностью, которые внесли свой вклад в развитие просвещения города. Отметим, что польские ссыльные рассматривались правительством как наиболее опасный революционный элемент в воспитании будущего поколения. Данная установка отражена в предписании военного губернатора Забайкальской области Н.П. Дитмара штатному смотрителю училищ Верхнеудинского округа от 4 февраля 1867 года: «...чтобы от преподавания были устранены лица, лишенные сего права, вследствие осуждения за преступления или по неблагонадежности, и так все без исключения ссыльные поляки, как лица, признанные правительством вредными и потому не заслуживающие ни в коем отношении доверия» [1, С. 88].

Опасения эти были понятны, так как политические ссыльные, в большинстве своем получившие европейское образование, являлись носителями передовой демократической европейской революционной мысли.

Первая половина XX в. характеризуется добровольными перемещениями представителей польского населения в рассматриваемый регион. Так, среди приезжавших на работу польских специалистов были – инженеры, врачи, железнодорожники, учителя, ремесленники и др. Знаковым событием этого периода стала революция 1905 года. Представители польской диаспоры Забайкалья сыграли не последнюю роль в революционном движении 1905-1907 годов. Подавляющее большинство поляков принявших участие в революционных событиях, служили на различных участках железной дороги. Железнодорожники, будучи передовым отрядом российского пролетариата, имели возможность быть в курсе всех событий, происходящих в центральной России. В дальнейшем многие из них были арестованы и содержались в городской Верхнеудинской тюрьме: А.И. Родзевский, Н.Г. Горбачевич, И.А. Седлецкий, И.В. Зайковский.

Революционные события 1905 года и связанный с ними общественный подъем, привели к широкой демократизации всех сфер жизни российского общества. «Указ о веротерпимости» 1905 года, явился своего рода толчком к активизации деятельности национальных меньшинств. Следствием осознания необходимости сохранения своей идентификации стало появление в городе Верхнеудинске польского католического храма.

Важным фактором сохранения национального самосознания у поляков, было исполнение религиозных «треб по католическим обрядам». Долгое время католическую паству Бурятии обслуживал священник из города Чита.

По данным отчета о состоянии Верхнеудинского уезда за 1908 год, в Верхнеудинске насчитывалось 336 лиц, исповедующих католицизм¹. В 1910 году в городе проживало 367 католиков, а в 1916 году – 401 католик [4, С. 14].

Община римских католиков в начале XX века была достаточно сильной, чтобы официально заявить о себе. Так, в 1906 году представители лиц Римско-католического вероисповедания Верхнеудинска в лице Владимира Ивановича Залесского обратились с просьбой отвести землю для постройки костела и дома для священника на избранном под сад месте по Голдобинской улице, где в это время находились бараки².

В 1907 году 12 апреля Городская Дума своим постановлением за №59 дала согласие выделить участок Римско-католической общине. Уполномоченный общества Верхнеудинских католиков купец И.Л. Гейзе, мещанин, гласный городской думы В.И. Залевский и Г.Г. Хрощицкий заключили контракт с Верхнеудинской городской Управой о бессрочной, бесплатной аренде участка

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) фонд 337, опись 2, дело 1108, л. 57.

² ГАРБ фонд 10, опись 1, дело 2346, л.1.

земли, находящегося в 13 квартале по улице Фроловской и Лесной в 600 кв. саженей для устройства костела с 17 апреля 1907 года [5, С. 221-225].

Первым католическим храмом в Восточной Сибири, был иркутский костел, построенный в 1826 году. Точная дата строительства Верхнеудинского костела не установлена. Так, современный отечественный исследователь О.Н. Полянская говорит о том, что здание костела было построено в 1908 году на средства Римско-католического общества верующих. Освящение костела состоялось 24 июля 1909 года. Обряд освящения совершил могилевский епископ Ян Цепляк. В то же время Т.В. Голосовская считает, что строительство Верхнеудинского католического храма начато и закончено в 1911 году [2, С. 51]. Хотя некоторые источники сообщают о появлении костела в нагорной части города в 1907 году¹.

Здание костела представляло собой бревенчатый одноэтажный дом, на каменном фундаменте, с внутренней отделкой-штукатуркой стен и потолков. Отопление было печным, имелось две печи. Здание имело 4 двери и 12 окон, его площадь составляла 127,92 кв.м. Над фасадом башенка с крестом, со стороны фасада находилось деревянное крыльцо со ступеньками на три ската. Пол и окна красились масляной краской. Внутри здание имело 5 отделов: главное помещение, хоры, запрестольное отделение и комнату. Во дворе находился сарай, баня и дом ксендза [5, С. 223-224].

Некоторое время костел города оставался без настоятеля, служение проводили сами прихожане, а направленный еще в 1909 году капеллан Туросинский из-за отсутствия материальной поддержки вынужден был уехать в Финляндию. Однако ситуация изменилась, когда в 1912 году на должность ксендза прибыл молодой и деятельный пастор Антоний Гилевский, который внес существенный вклад в развитие Римско-католической общины. При нем приход приобрел орган, были выписаны из Польши картины, устроен алтарь, организован хор [2, С. 51].

В обязанности ксендза входил сбор сведений о количестве лиц, принявших католичество, их возраст, социальное положение, род занятий. В архиве сохранились записи А. Гилевского, касающиеся рождения, бракосочетания и смерти прихожан².

Свидетельством о разносторонней, не только религиозной, но и просветительской деятельности Римско-католического храма служит наличие в нем библиотеки, в которой находилась литература как религиозного, так и светского характера. Книги по истории и географии Польши, по астрономии, художественная литература на латинском языке и другие [5, С. 228].

Однако, в сфере национального образования активность польского населения была несколько ниже по сравнению с представителями русской и еврейской национальностей. Так, прошение городского польского демократического

¹ ГАРБ фонд 10, опись 1, дело 2346, л.1.

² ГАРБ фонд 546, опись 1, дело 2, л.105.

общества об открытии низшей начальной школы для детей польской национальности, поступило в городскую управу лишь в 1917 году¹. Большую созидательную роль в этом плане сыграл активный, деятельный пастор Римско-католического прихода Антоний Гилевский. Просуществовав два десятилетия Католический храм был закрыт в 1930-е гг.

Долгое время в Бурятии не было католических священников. Только в 50-е гг. XX в. некоторое время ссыльных литовцев обслуживали священники Петрас Ясас и Петрас Лигнугарис. Однако им было запрещено проводить религиозные обряды, и они были вынуждены покинуть Бурятию.

Возрождение Римско-католической общины в Бурятии началось в 90-е гг. XX в. 31 августа 1999 г. в Улан-Удэ был официально зарегистрирован католический приход Святейшего Сердца Иисуса Христа, а начиная с 2002 г. началось строительство католического храма, который был освящен в июне 2005 г.

Сегодня число постоянных прихожан католического храма составляет около ста человек. «В Улан-Удэ мало католиков, но наши двери открыты для всех. Часто ко мне обращаются представители других конфессий» - говорит отец Адам. По его словам, для того чтобы принять католическую веру, надо хорошо ее изучить и понять. Поэтому на это нужно потратить не менее года. Просто же бывать в храме на мессах не возбраняется никому». Сегодня состав прихожан католического храма представлен людьми разных национальностей (поляки, буряты, русские, немцы, украинцы, татары и т.д.) возрастных и социальных групп.

Таким образом, становление и развитие Римско-католической общины в Бурятии имело свои отличительные особенности: костяк составили сосланные на поселение участники польских восстаний XIX в., члены революционных кружков, а также квалифицированные рабочие, прибывшие из Польши и Литвы на строительство Транссибирской магистрали. Основная масса католиков проживала на станциях железной дороги. Сохранить национальную самобытность, культуру и духовное единство полякам и литовцам помогало участие в деятельности общины: общение в храме совместные молитвы, празднование церковных праздников, всемерная поддержка со стороны прихожан - католиков.

Бурятия на протяжении многих столетий отличалась религиозной толерантностью по отношению к представителям различных конфессий. Эта черта выступает определяющей в современной религиозной жизни республики, формируя единое духовное пространство, отличительной особенностью которого является уважительное отношения к людям другой веры.

¹ ГАРБ фонд 337, опись 2, дело 2587, л.1.

Источники и литература

1. Воробьёв В.В. Города Южной части Восточной Сибири / В.В. Воробьёв. – Вып. 28. - Иркутск, 1959.
2. Голосовская Т.В. Католическая польская диаспора Забайкалья во второй половине XIX – начале XX веков / Т.В. Голосовская // Исследования молодых учёных Бурятии. Межвузовский сб. ст. – Улан-Удэ, 2002. – Вып. IV.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) фонд 546, Оп. 1, Д. 2; фонд 337, Оп. 1, Д 2346, Оп. 2, ДД. 1108, 2587.
4. Раднаев Э.В. История формирования этнического состава города Улан-Удэ / Э.В. Раднаев. – Улан-Удэ, 2004.
5. Полянская О.Н. Из истории римско-католического костёла в городе Верхнеудинске / О.Н. Полянская // Поляки в Бурятии. - Улан-Удэ, 2003.

Ахмадулина Светлана Зиннатовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: lana_clio@mail.ru.

Akhmadulina Svetlana – Candidate of Historical Sciences, a senior lecturer, Department of General and Native history, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: lana_clio@mail.ru.

УДК 378.4(517.3)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-72-76

© Т. И. Гармаева

Место и роль высших учебных заведений Внутренней Монголии в развитии Северного Китая*

В статье анализируются и выявляются причины трансформационных процессов, происходящих в системе образования Китая, находящегося в центре Евразийского материка, обладающего важным геополитическим положением, что обуславливает рост многостороннего интереса международного сообщества к данному району Азии, претендующего на экономическое лидерство в современном мире. Также рассматриваются перемены, происходящие в образовательной системе Внутренней Монголии, граничащей с Монголией и Россией, и активно участвующей в региональном развитии Северного Китая в целом.

Ключевые слова: высшее образование, система образования, университеты, Китай, Внутренняя Монголия, Хух-Хото, трансформационные процессы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-31-01299

Position and role of the universities in Inner Mongolia in the development of North China

The article analyzes and identifies the reasons for the transformation processes in the education system in China, which located in the center of the Eurasian continent and has an important geopolitical position. It leads to the growth of international interest in this area of Asia, claiming the economic leadership in the world today. It also discusses the changes in the educational system of Inner Mongolia, which is actively involved in regional development in North China as a whole.

Key words: higher education, the education system, universities, China, Inner Mongolia, Hohhot, transformation processes.

现代阶段，在全球化和一体化进程的带动下，军事、经济和资源等主要因素影响世界政治的发展，“软实力”的提法脱颖而出：实现国家文化和艺术教育，普及科学技术，包括教育走出国门，倡导国家的语言与核心文化价值观[1]。崇尚竞争的普世价值和国家设定经济与社会的发展模式：这是新千年的主要趋势之一，其中，充分开发人的潜力是新知识型经济形成的基础。这导致了一个事实，很多积极发展国家，特别是俄罗斯、中国、巴西、印度，为过渡到创新的经济模式中，要特别注意国民教育体系的现代化和国际化。

只有符合创新型经济的要求，并融入国际科学和教育空间的先进教育体系，可以成为现代中国最重要的竞争优势之一。提供留学生教育是国家“软实力”的一个重要方面。在此背景下考察，中国地处亚洲大陆的中心，具有重要的地缘政治地位，中国有很多相关利益，从而促进国际多边利益的增长，在亚洲已经居于经济的领导地位。在内亚洲区域，处于中国北方的内蒙古自治区占据一个特殊的位置，因为接壤蒙古国和俄罗斯，并积极参中国北方区域发展。

理解二十世纪在教育领域发生的变化，及其对现代世界发展进程的影响，需要分析并确定发生在教育系统内的转化过程的原因。考虑这个问题具有一定紧迫性。中国加入世贸组织，在对外贸易的同时，积极开设留学生教育与跨国联合教育项目，向国外派遣教师和学生，在国内积极吸引外籍教师、专家、研究人员、学生，引进国外教材和教育过程的双语节目及联合办学项目，实行双文凭制度，开办国际语言中心。中国积极吸引外国学生留学，这是中国经济成功的原因之一。外国留学生的数量每年都在增长。2011年在华留学生人数已超过29万人[2]。中国政府希望2020年外国学生的人数增加到50万人。

呼和浩特市是内蒙古自治区的行政、政治、文化和经济中心。公办本科大学有内蒙古大学; 内蒙古工业大学; 内蒙古农业大学; 内蒙古师范大学; 内蒙古医科大学; 内蒙古财经大学; 7. 呼和浩特民族学院; 和 17 所知名高职(专科)院校。

全市共有普通高校 23 所、成人高校 1 所, 其中本科学校 7 所。全年市财政投入科技经费 9396 万元。2013 年内普通高校招收学生 6.7 万人, 比上年增长 6.3%; 毕业学生 6.3 万人[3]。

教育机构培养通才和接受外国留学生, 包括接受中国政府各种奖学金的留学生。这些项目是在国家项目框架之下, 以提高对外汉语教学质量和传播中国教育。留学生大多来自韩国、美国、日本。中国政府提供的经费用于支付每月的奖学金, 涵盖了在中国培训、教材、医疗保险、住宿等费用。中国政府已拨款 500 多万元为外国学生来中国学习。在内蒙古, 随着外国学生数量的增加, 教育项目也发生变化。目前, 很多留学生不仅学汉语, 而且获得文科或理科的学士、硕士和博士学位。据 2010 年统计, 外国留学生的 40% 被纳入学士或硕士课程, 60% 的被纳入不授予学位的课程。

目前, 大部分外国学生都是亚洲人, 大多来自蒙古国, 占内蒙古的外国学生的 68% [4]。应该指出的是, 非洲学生越来越多, 他们不仅学汉语、接受教育, 与此同时, 也在学校给中国学生教英语。在过去的五年中, 其数量几乎增加了一倍。

最近几年, 越来越多的欧美科学家对在内蒙古的教育过程产生研究兴趣。尤其是中国政府积极鼓励外国科学家和教师。《纽约时报》的浏览器 D. French 指出, “模式很简单: 聘请领先的外国专家, 在一个设备齐全的实验室里, 有才华的学生包围他们, 并给他们相当大的自由度” [5]。

从 2000 年开始, 中国大学中教育计划显著的变化, 扩大招生, 特别是积极引进外资, 加强英语教材和科学教材在内的教育内容。广泛引进英语和英语书籍和材料反映出中国教育逐步符合国际标准, 采纳国外先进的教育实践。2002 年, 中国的一流大学已经购买并在教育过程中使用, 在哈佛大学, 斯坦福大学和麻省理工学院使用的教科书。

内蒙古教育进程的研究引起学者兴趣。体验高等教育的国际化, 培养未来干部, 一方面, 以可持续发展为导向, 汲取西欧模式的长处, 另一方面, 要保存自治区的民族传统教育。这种平衡在很大程度上决定了近年来各大学取得的积极成果。

全球化、国际化进程带来的消极方面也影响到中国教育的发展。首先, 它涉及到“人才流失”的问题: 留学生回国的只有 40%。

应该指出的是，俄罗斯和中国教育合作的领域也在积极开发，目前在俄罗斯有 1, 5 万中国学生接受培训。2009 年被宣布为中国的俄语年，而 2010 年: 俄国的汉语年。

中国北方的呼和浩特和东北的哈尔滨、长春等地的大学，吸引俄罗斯学生有积极表现，布里亚特国立大学有学生参加培训和实习，在这些的大学里受到很好的训练。

相对于俄罗斯联邦的教育政策，中国的政策更为广泛，以促进两国关系的全面发展。2009 年 10 月，中国开通俄语电视频道，不少内容涉及俄罗斯和独联体国家。内蒙古支持加强国际合作战略。

目前，内蒙古自治区及其几个主要城市建立了和世界 16 个城市的官方友好关系:

1. 内蒙古自治区——赤塔州（俄罗斯，1990 年 9 月 11 日市），
2. 内蒙古自治区——加利福尼亚州（美国 2000 年 5 月 11 日）；
3. 呼和浩特市——冈崎市（日本，1987 年 8 月 10 日），
4. 呼和浩特市——乌兰巴托市（蒙古 1991 年 10 月 12 日），
5. 呼和浩特市——洛杉矶市（美国，1998 年 3 月 10 日），
6. 呼和浩特市——乌兰乌德市（俄罗斯，2000 年 12 月 6 日）；
7. 包头市——额尔登特市（蒙古，1992 年 12 月 12 日），
8. 包头市——内尔斯普雷特市的埃尔帕索（美国，1994 年 10 月 17 日），
9. 包头市——拉罗谢尔市（法国，1999 年 3 月 2 日），
10. 包头市——赫尔斯普鲁特市（南非，2001 年 6 月 1 日）；
11. 赤峰市——Inidzava 市（日本，1989 年 5 月 16 日）；
12. 海拉尔市——赤塔市（俄罗斯，1992 年 7 月 12 日）；
13. 满洲里市——克拉斯诺卡姆斯克（俄罗斯，1993 年 6 月 28 日），
14. 满洲里市——赤塔（俄罗斯市，1999 年 9 月 28 日）；
15. 锡林浩特市——Loydminster 市（加拿大，1998 年 6 月 17 日），
锡林浩特市——Mosayd 市（美国，2001 年 6 月 7 日）[10]。

内蒙古地区的教育潜力是整个国家最重要的资源之一。中国教育体制的竞争力，可以通过实施教育服务的有效出口政策得到改善。在亚太地区和上海合作组织的所有合作伙伴之间，教育可以成为合作的一个大有希望的领域。

Литература

1. См.: Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (2010 г.).
2. 中国新闻网. URL: <http://www.chinanews.com/edu/2012/02-28/3702989.shtml>
3. Официальное бюро статистики г. Хух-Хото, отчет от 09.04.2014г. URL: http://www.huhhot.gov.cn/hhhttj/show_news.asp?id=1066
4. Study in China. URL: <http://www.csc.edu.cn/Laihua/newsdetailen.aspx?cid=122&id=902>
5. French H.W. China Luring Foreign Scholars to Make Its Universities Great // New York Times. 2005. October 28.
6. Абрамова Н.А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). Чита: ЧитГУ, 1998.-258 с.
7. Гармаева Т.И. Культурно-образовательные факторы в социокультурном пространстве города (на примере г. Хух-Хото Внутренней Монголии) // Межкультурная коммуникация: основы дидактики: м-лы межвуз. науч.-метод. семинара (Улан-Удэ, 30 октября 2014 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. – Вып. 7. – С. 98-105.
8. Кессиди Ф.К. Глобализация и культурная идентичность // Вопр. философии. 2003. - № 1. - С. 76-79.
9. Кургузов В.Л. Традиционная культура и образование как факторы сдерживания негативного влияния глобализации // Образование и глобализация: материалы Байкал. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2004.-Ч. 2.-С. 203-206.
10. Russian Embassy in China. URL: [URL:http://www.russia.org.cn/rus/2950/31292578.html](http://www.russia.org.cn/rus/2950/31292578.html)

Гармаева Татьяна Иннокентьевна – кандидат философских наук, Ph.D., заведующий лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации, Институт Внутренней Азии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: tanya_osorova@mail.ru

Garmaeva Tatiana – Candidate of Philosophy Science, Ph.D., Head of Department of Cultural Anthropology and intercultural communication, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: tanya_osorova@mail.ru

УДК 947.07. (571.5)

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-76-81

© Н. Б. Свиридова

Рассуждения гласных городских дум Забайкальской области о введении земства в Сибири

Статья посвящена теме обсуждения городским общественным управлением в Забайкальской области вопроса введения земских учреждений в Сибири. На основе неопубликованных архивных материалов, законодательных источников,

периодической печати и опубликованных работ автор анализирует деятельность гласных городских дум по этому вопросу и приходит к выводу, гласные городских дум понимали необходимость проведения преобразований в области местного самоуправления в Сибири

Ключевые слова: город, городская реформа, городская дума, земство, земская реформа, органы городского общественного управления, гласные.

© N. Sviridova

Vowels city councils Transbaikal region on the introduction of the zemstvo in Siberia

The article is devoted to the topic of discussion of urban public management in Transbaikal region issue introduction zemstvo institutions in Siberia. On the basis of unpublished archival materials, legislative sources, periodicals and publications, the author analyzes the activities of vowels municipal Dumas on this issue and concludes vowels municipal dumas understood the need for reforms in the field of local government in Siberia.

Key words: town, municipal reform, municipal дума, zemstvo, zemstvo reform, urban public administration, vowels.

Реформы Александра II способствовали образованию новых органов управления в Российской империи, оказавшие влияние на развитие гражданского самосознания населения. Важными для формирования политического строя страны стали земская и городская реформы, которые ознаменовали поворот правительственной политики в отношении местного общественного управления. В условиях сохранения самодержавия, централизации власти и постоянного контроля над населением это были первые шаги к созданию демократических основ государства и гражданского общества.

Благодаря этим реформам постепенно складывался институт местного самоуправления в стране. Период последней трети XIX – начало XX в. отличался индифферентностью населения к политической деятельности в стране. Слабый уровень развития образования, экономическая нестабильность, расслоение общества и нежелание помещиков и дворян допускать к власти простых людей – являлись основными причинами данной проблемы.

Под термином «местное самоуправление» понимается одна из форм осуществления власти народом, обеспечивающая самостоятельные решения населением вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории.

Земская реформа была принята 1 января 1864 года. Земство состояло из выборных представителей всех сословий, а избирательное право обуславливалось в основном имущественным цензом. Круг вопросов, которые решали земские учреждения, был ограничен хозяйственными нуждами уезда или губернии.

В основных чертах Городское положение 1870 г. воспроизводило главные черты устройства земского: всеобщность, выборное право по имущественному цензу, отдельные выборы в избирательных собраниях, составленные по степени состоятельности избирателей. Городское управление стоит рассматривать как часть общего управления страной в пределах каждого города. Оно осуществляет правительственную власть над населением, исполняет распоряжения правительства, реализовывает возложенные на него государством обязанности по поддержанию порядка, устройству местного суда, содержанию школ, богаделен, приютов, больниц, проводит работы по благоустройству города. Однако власть не доверяла общественным силам, и поэтому установила полную зависимость городских управлений от администрации. Самостоятельность включала в себя лишь ведение городского хозяйства. На представителе правительственной власти – губернаторе лежал надзор за тем, чтобы действия городского управления протекали в рамках закона и, чтобы город соблюдал возлагаемые на него обязательства [3, С. 12].

В отличие от городской реформы, земская реформа не затронула большую часть Российской империи – Сибирь. Данное обстоятельство объяснялось тем, что Сибирь была огромной, неразвитой территорией, где не имелось помещного дворянства и была низкая плотность населения. Все это исключало возможность организации выборов в земские учреждения, так как именно на дворянство и делался основной упор. Вследствие отсутствия земства в Сибири местные нужды удовлетворялись хуже, чем в земской России.

Городская реформа, напротив, являлась одним из немногих преобразований, затронувших окраины империи и была связана с представлениями центральной власти о целесообразности, что и обусловило введение городского общественного управления на востоке России в середине 70-х гг. XIX в. практически одновременно с европейской территорией страны.

Органы городского общественного управления в России вплоть до начала XX в. находились в стороне от оппозиционного движения земства. Городовые положения 1870 и 1892 гг. ограничивали компетенцию дум лишь хозяйственной сферой, исключив возможность проявления какой-либо политической активности. В целом думы характеризовало пассивное отношение к событиям общественно-политической жизни страны [4, С. 136].

В то же время многие современники отмечали, что у населения наблюдалось увеличение общественного сознания. Горожане видели несовершенство городской реформы, требовали расширения избирательных прав и предоставление его всем жителям города. Так, историк Н. Ф. Страдомский высказывался по данному вопросу следующим образом: «чувство справедливости и сознание общего блага требуют обязательного участия всех жителей в городском самоуправлении; только преследование узкоклассовых интересов может вести к защите несправедливого преобладания одного класса над другим» [7, С. 11].

На заседаниях городских дум вопрос о необходимости введения земства в Сибири время от времени обсуждался. Городское общественное управление Забайкальской области не оставалось в стороне от данной проблемы. Генерал-

губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин в 1882 г. отмечал, что «настало время обратить внимание на край и вывести его из того положения, в которое поставили его отдаленность от центра государства, избранием местом ссылки и каторги и продолжительное оставление его без удовлетворения насущных нужд и потребностей» [6, С. 140].

Так, гласный читинской городской думы А. Першин в 1881 г. на одном из заседаний подал письмо со следующим содержанием: «Гласные! Прочитав в № 139 газеты «Голос» за настоящий год записку, внесенную гласным Скорняковым в Енисейскую Городскую Думу, в который он заявляет Думе, что «первая и настоящая нужда это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы народной промышленности и производимости, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь. Приобретая их, мы приобретаем нужную и великою силу для борьбы с невежеством, бедностью нашей жизни, произволом суда, обезопасив свою личность и имущество от вторжения разных хищников Сибири. Так как в связи с правительственной политикой, в Сибирь гонят самый негодный элемент, самых отъявленных преступников, которые, окончивши срок каторжных работ, водворяются без всякого согласия общества среди их, приносить пользы не будет обществу, но и краю, кроме разврата, пьянства и науки преступлений»[1, Л. 52 об.]. Гласный Першин считал, что Читинской Городской Думе следовало примкнуть к ходатайству Енисейской Городской думы перед Правительством об этих крайних нуждах.

Городская дума, признавая со своей стороны необходимость введения земства, гласного суда, свободы народной производительности и промышленности, свободы переселений и прекращения ссылки в Сибирь, постановила ходатайствовать особым адресом через министра внутренних дел перед Его Императорским Величеством о распространении на Сибирь тех же законоположений, которыми пользуется губернии Европейской России.

Определенные надежды жители сибирских регионов связывали в связи с празднованием 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России, отмечавшимся в 1881-1882 гг. Население Сибири не без основания ждало проведения реформ, которые уже были осуществлены на территории Центральной России.

И.И. Попов в своей работе «Самоуправление и земские учреждения» писал, что, учитывая особенности Сибири, необходима специальная земская реформа. Пространства Сибири и значительное расстояние многих пунктов от губернских центров требует, чтобы земские органы пользовались большей самостоятельностью, а контроль административных органов не выходил за пределы наблюдения за законностью действий. С организацией земства на правовых началах в Сибири необходимо было видоизменить реформу городского самоуправления [5, С. 42]. Также Попов отмечал, что земство может существовать только при условии, что весь государственный строй России будет по-

строен на началах народного представительства в общественной законодательной работе.

Верхнеудинская городская дума также затрагивала вопрос введения земства в Сибири и отмечала, что «в определенные моменты приходится принимать исключительные усилия» [2, Л. 2-3]. Данные рассуждения велись в непростой для страны период - первая мировая война. Верхнеудинская Дума присоединилась к ходатайству Иркутской городской думы о введении земства в Сибири. Так как видела в этом особую необходимость для политического и экономического развития региона.

Безусловно, вышеперечисленные примеры и мнения говорят о том, что Сибирь начинает активно вовлекаться в политические процессы страны. Она становится важной единицей, понимающей свою важность и необходимость реформ. Но государственный аппарат не решал данную проблему и не желал проведения реформ, которые могли бы ограничить его власть. Лишь после февральской революции, летом 1917 г. Временное правительство приняло закон о введении земства по всей Сибири на основе всеобщего, тайного и равного избирательного права. Однако земство просуществовало в Сибири недолго, как и городское самоуправление. С приходом советской власти органы общественного управления ликвидировались.

Литература

1. ГАЗК. Ф.226. Оп.1. Д.4
2. Городская дума // Забайкальская мысль. – 1915. – 4 окт. - № X – XI. - С. 2 - 3.
3. Михайловский А. Задачи городских управлений в новой России / А. Михайловский. – М.: Типография Н.С. Кобелькова, 1917. – 30 с.
4. Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В. А. Нардова. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.
5. Попов И. И. Самоуправление и земские учреждения (по поводу введения земства в Сибири) / И. И. Попов. – М.: Типография Общества распространения полезных книг, арендуемая В. И. Вороновым, 1905. – 56 с.
6. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Всеподданнейшие отчеты генерал – губернатора, командующего войсками Восточного Сибирского военного округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. – Иркутск: Типография штаба Восточного Сибирского военного округа, 1884. – Т. 1. – 354 с.
7. Страдомский Н. Ф. Основания реформы городского положения / Н. Ф. Страдомский. – Киев: Типография «Петра Барского», 1905. – 58 с.

Свиридова Н. Б. - аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ.

Sviridova N. – a graduate student, Department of General and Native History, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 930

DOI 10.18097/2306-753X-2014-2-81-87

© О. А. Малыгина

Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернаторов (2-ая половина XIX – начало XX в.)

В статье на основе анализа всеподданнейших отчетов показан процесс эволюции пенитенциарной системы в Забайкальской области. Во второй половине XIX в. ссылка и каторга сосредоточиваются в Забайкалье и на Сахалине. Обеспечение исполнения наказания сосланных в область, управление каторгой и ссылкой в Забайкалье, ее обустройство в контексте модернизации системы исполнения наказаний, которая проводилась в XIX – начале XX в., являлись одним из важнейших направлений деятельности военного губернатора Забайкальской области, и нашло серьезное отражение во всеподданнейших отчетах. В них также отражены взгляды областной администрации на проблемы ссылки и каторги, предложены вопросы по ее регулированию, поиск оптимальных путей решения проблем пребывания ссыльнопоселенцев

Ключевые слова: всеподданнейший отчет, ссылка, каторга, военный губернатор, Забайкальская область, областная администрация.

© O. Malyagina

Transbaikalskaya deportation and servitude in the reports of the military governors (II half of XIX - early XX centuries)

On the basis of analysis humbly report showed the evolution of the prison system in the Trans-Baikal region. In the second half of the XIX century exile and hard labor concentrated in the Trans-Baikal region and Sakhalin. Enforcement of penalties exiled to management penal servitude and exile in the Trans-Baikal, its arrangement in the context of the modernization of the penal system, which took place in the XIX - early XX centuries, is one of the most important activities of the military governor of the Trans-Baikal region, and found serious reflection in most humbly reports. They also reflect the views of the regional administration on issues exile and hard labor, suggested questions on its regulation, the search for optimal solutions to problems stay Exiles

Key words: most humbly report link, hard labor, the military governor, Trans-Baikal region, the regional administration.

В XIX – начале XX в. система управления каторгой в Забайкалье была достаточно сложна. Основная информация об управлении военными губернаторами ссылкой и каторгой в регионе сосредоточена во Всеподданнейших отчетах самих «хозяев губерний», где содержатся сведения о губернаторской деятельности в отношении ссыльнокаторжных, отражены взгляды областной администрации на проблемы ссылки и каторги и представлены предложения

по вопросам ее регулирования. Информация в отчете подавалась в четко регламентированной форме.

Включение военного губернатора в процесс надзора за ссыльными началось с момента их этапирования. Как указывалось в отчете военного губернатора П.И. Запольского, контроль за сопровождением ссыльнокаторжных по территории Забайкальской области и «наблюдение за неисправностью сих (этапных – *О.М.*) помещений и за благовременное исправление повреждений составляет одну из главных забот местного Начальства» [1, Л. 12-13.]. В своем первом отчете за 1851 г. П.И. Запольский так описывал этапные помещения: «По тракту от Байкала озера до Нерчинских горных заводов как окончательных пунктов в сей части Сибири, ссылки преступников для проходящих арестантских партий, в некоторых местах в недалеком друг от друга расстоянии устроены особые этапы и полуэтапы. Здесь помещаются арестанты на время своих ночлегов и расторгов в пути» [1, Л. 12-13.]. Должное содержание этапных помещений также было прямой обязанностью высшей администрации области, которая докладывала об их состоянии во Всеподданнейших отчетах. Однако в отчетах их состояние оценивалось диаметрально противоположными формулировками: от «жалоб на неудовлетворительное помещение этапов до Областного Начальства не доходило» [2, Л. 13] (в черновом варианте отчета за 1856 г. эта фраза зачеркнута [3, Л. 372], но в отосланный в Петербург чистовой вариант она вошла) до «этапные здания требуют капитальных исправлений» - в отчете за 1876 г. [4, Л. 2 об.]

В воспоминаниях ссыльных показана картина, сильно отличающаяся от нарисованной Всеподданнейшими отчетами военных губернаторов Забайкальской области и не позволяющая полностью исключить отсутствие жалоб на «неудовлетворительное помещение этапов». Ссыльный революционер-народник Я.В. Стефанович в 1890 г. так описывал забайкальские этапы: «... На первый взгляд, этапы сделаны добротнo. На самом деле в них холодно и сыро, печи не дают тепла. Картину дополняет огромное количество паразитов, от которых нет спасения, и полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях ссыльным приходится существовать по нескольку дней» [5, С. 64]. Ссыльный участник польского освободительного восстания 1863 - 1864 гг. этнограф-сибириевед и писатель Вацлав Серошевский в 1908 г. дал следующую характеристику этапам и полуэтам: «Люди спали не только на нарах, но и на полу так тесно, что нельзя было пошевелиться и пройти. Им не полагалось ни подушек, ни одеяла. Укрываются арестанты теми же тулупами и халатами, в которых ходят днем. Полуэтапы представляли собой какое-то подобие ада...» [6, С. 209].

После прибытия ссыльных и их семей в область в задачи военного губернатора и областной администрации входила организация их содержания в соответствии с законом. Рост потока ссыльных порождал серьезные трудности в их размещении и управлении, поэтому в каждой каторжной тюрьме администрация нередко устанавливала свои порядки, в немалой степени, влиявшие на условия содержания заключенных. Например, Инструкция Главного тюремно-

го управления, предписывавшая отдельное содержание политических каторжан и уголовников, часто не выполнялась. Из-за нехватки тюремных помещений в каторжных тюрьмах Восточной Сибири уголовники и политические преступники порой были вынуждены проживать в одной камере. Обе категории осужденных неохотно контактировали друг с другом, между ними случались конфликты. Однако, по мнению губернатора М.П. Хорошхина, которое он изложил в своем отчете, «...перевод совершивших государственные преступления в общую тюрьму и помещение их в оной на одинаковом положении с прочими преступниками положил ожидаемый предел тому исключительному положению, в котором находились Государственные преступники, и оказал хорошее влияние на преступников и в тоже время облегчил работу администрации» [7, Л. 17 об.]. Военный губернатор Я.Ф. Барабаш, напротив, считал неразумным «содержание в тюрьмах арестантов без подразделения по родам преступления, на осужденных и подсудимых». По мнению губернатора, содержание вместе закоренелого преступника, мелкого мошенника и случайного обитателя тюрьмы (беспаспортного или заключенного по подозрению) в конечном итоге делает их одинаково вредными для общества. В своем циркуляре Я.Ф. Барабаш отмечал, что «хотя и устройство тюремных замков Области не соответствует требованиям закона, но при большой заботливости тюремной администрации возможно лучшее размещение арестантов» [8, С. 3].

На протяжении всего XIX и в начале XX в. законодательная база, касающаяся ссылки, претерпела серьезные изменения. Неукоснительно соблюдая требования многочисленных циркуляров, касающихся тюремного дела, военные губернаторы вносили свои предложения по улучшению процесса функционирования каторги и ссылки в Забайкальской области, выступая инициаторами преобразований.

Предметом постоянного внимания забайкальской администрации в управлении ссылкой было содержание семей ссыльнокаторжных, о чем имеются многочисленные сведения в делопроизводстве военных губернаторов. В отчете за 1890 г. военный губернатор Е.О. Мацневский писал: «Положение таковых семейств было крайне печально; нередко единственный работник сидит в тюрьме, а жена и дети без куска хлеба и без всякой возможности что-либо заработать» [7, Л. 18]. В отчетах практически всех военных губернаторов содержатся просьбы об открытии приютов для детей ссыльнокаторжных, больниц и богаделен для больных и дряхлых ссыльных.

К 1909 г. число престарелых поселенцев в области, не способных работать и получающих трехрублевое пособие, составляло 157 чел. В действительности, по мнению военного губернатора В.И. Косова, нуждающихся было значительно больше, но недостаток средств не позволял содержать их всех. Очень часто, указывал в отчете губернатор, «дряхлые ссыльнопоселенцы ложатся бременем на местное население, поддерживающее существование этих несчастных» [9, С. 1].

По мнению исследователей, региональная власть рассматривала ссыльных, прежде всего, в качестве колонизационного элемента, необходимого для экономического освоения региона [10, С. 67]. Однако, на наш взгляд, это утверждение верно для XVIII – начала XIX вв., когда ссыльные действительно были совершенно необходимой «движущей силой» освоения отдаленных сибирских территорий. Но во второй половине XIX в. ссылка как колонизационный ресурс в основном исчерпывает свой потенциал и, судя по отчетам военных губернаторов Забайкальской области, становится обременительным фактором для края. В первых же отчетах военных губернаторов ссыльнопоселенцы характеризуются исключительно негативно. П.И. Запольский в отчете за 1852 г. писал: «Большая часть из них, потерявших однажды любовь к доброму и полезному, стремится постоянно к дурным наклонностям, и не одобрительными своими действиями располагает нередко и крестьян к предосудительным поступкам, и только неослабное наблюдение Земской Полиции предупреждает преступление, к коим склонны ссыльнопоселенцы. К оседлой же жизни привьются не скоро, по исключительной наклонности к праздношатательству. Вообще же справедливость требует сказать, что класс поселенцев, населенных в Области, кроме вреда, порождаемого иногда вредными их действиями, мало приносит пользы в общем составе населения в Области» [11, Л. 56].

Поиск оптимальных путей решения проблем пребывания ссыльнопоселенцев в области становится весьма актуальным для всех военных губернаторов. «Положение ссыльнокаторжных и само устройство каторжных работ требуют коренного изменения, - писал И.П. Педашенко в 1874 г. – В настоящее время каторжные работы не достигают ни карательной, ни исправительной цели, причина тому – неудовлетворительность обстановки» [12, Л. 4]. В его же отчете за 1878 г. прозвучали мнение о негативном влиянии ссылки на социально-экономическое положение региона: «Положение ссыльнопоселенцев крайне не обеспечено, и от такого положения страдает во многом и коренное население области. Все усилия к нормальному устройству быта ссыльнопоселенцев не могут достигнуть желаемой цели, т.к. нет средств к устранению противодействующих причин: безсемейности преступников, нравственной их испорченности, и непривычки к тяжелому земледельческому труду» [4, Л. 3].

Было очевидно, что ссылка уже не справляется с колонизационными задачами. Ссыльнопоселенцы с большим трудом включались в хозяйственную жизнь края, а заботы о них ложились «бременем на местное население». В 1889 г. военный губернатор М.П. Хорошкин в своем отчете писал: «Ежегодно сотни и тысячи людей, осужденных на каторгу, идут с разных концов Империи в Забайкалье, в котором и остаются за тем на поселение. Оторванный от прежней обстановки, достаточно испортившийся и нравственно и физически, во время продолжительного пребывания на этапах, в пути и в тюрьмах, почти с одними голыми руками является поселенец в место, назначенного ему для пребывания и оседлости. Здесь он должен своими трудами завести все домоводство до последней доски, от общества должен получить землю в надел и вести трудовую жизнь. Большинство предпочитают идти на заработок, да и

общество охотно его увольняет. Постепенно накопилось в области ссыльнопоселенческое население, выросло в десятки тысяч и стало в большинстве язвою, разъедающей край, неизлечимую болезнью, истощающею население, которому, в конце концов, приходится кормить всех тех, кто или не хочет сам работать, или не может по болезни или дряхлости» [13, Л. 46-46 об.]. Военный губернатор М.И. Эбелов считал, что из-за значительного числа ссыльнопоселенцев (в 1907 г. – свыше 16 тыс. чел.), ежегодно прибывающих из тюрем Нерчинской каторги и другими путями, Забайкальская область находится в исключительных условиях развития преступности среди населения [14, С. 5]. Военный губернатор В.И. Косов в отчете за 1910 г. поддержал своего предшественника: «Вопрос о положении ссыльнопоселенцев в Забайкалье обостряется с каждым годом, так как в настоящее время для водворения их осталось только три волости, остальные освобождены от водворения, согласно закона о землеустройстве, поселенцев же прибывает с каторги ежегодно от 600 до 700 чел. Большая часть из этого числа, не будучи совершенно пригодна к земледельческому труду и не находя на местах водворения заработков, естественно стремится уйти оттуда [...] население само радо избавиться от этого элемента и не препятствует уходу поселенцев. Результат этого – постоянное пополнение кадра преступников в городах и больших селениях и не прекращающееся увеличение числа преступлений» [15, С. 2].

Значительное число ссыльных в Сибири – от 30 до 40 % - постоянно находилось в бегах [16, С. 282]. Сведения о бежавших и найденных содержались во всех отчетах военных губернаторов. Согласно им «в безвестной отлучке» находилось от 3 530 ссыльных в 1902 г. до 5 711 – в 1910 г. [15, С. 1; 17, С. 1] О ходе поиска бежавших Забайкальскому военному губернатору поступали рапорты от окружных начальников [18, Л. 17-18 об.]. Однако сам поиск значительно затруднялся отсутствием четких описаний внешности бежавшего: очень часто разыскивали «Непомнящих и Ивановых с обыкновенным носом и ртом» [19, С. 13].

«Неисчислимое зло ссылки» Н.М. Ядринцев считал основным тормозом распространения в Сибири общих гражданских прав. По его мнению, и сибирская администрация, и сибирское общество одинаково осознали неудобства ссылки и необходимость ее отмены [20, С. 222.]. В отчете за 1889 г. М.П. Хорошихин обращался к императору: «Повергаю на милостивое воззрение Вашего Величества указаний на другое из могучих средств для поднятия края: это на отмену или ограничения ссылки в Забайкалье. [...] тот день, в который милостью Вашего Величества ссылка в Забайкалье будет отменена или ограничена, будет радостным днем для края не только в ближайшие времена, но и для многих, многих последующих поколений» [13, Л. 46 об.]. По мнению военного губернатора В.И. Маркова, каторга в Забайкальской области нужна была в то время, когда область имела столь редкое население, что для разработки горных богатств нельзя было найти вольных рабочих на месте, а доставка их из внутренней России, за отсутствием удобных путей сообщения, была слишком за-

труднительна и дорога. К началу XX в., подчеркивает военный губернатор, условия эти изменились, и каторга стала опасной для региона. Существование ее в Забайкальской области, приграничном с Китаем Нерчинско-Заводском районе «представляется опасным анахронизмом», доказывает В.И. Марков, потому что «наш восточный сосед уже не тот, каким он был сравнительно недавно». Непосредственное соседство нашей каторжной колонии с китайскими владениями, считал губернатор, неудобное уже в мирное время, создаст в случае военных осложнений весьма серьезную опасность. В тылу и на флангах нашей действующей армии окажется до 3,5 тыс. тяжких уголовных и политических преступников, которых при обстоятельствах военного времени невозможно будет эвакуировать и которым нетрудно будет вырваться на свободу. И если во внутренних губерниях, по мнению военного губернатора, время для ожидания законодательного решения вопросов каторги и ссылки еще есть, то того же нельзя сказать в «отношении пограничной области, какой является Забайкальская. Никому неизвестно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию» [21, С. 11].

Выявленные исторические источники позволяют нам утверждать, что проблемы управления ссылкой постоянно находили отражение в губернаторских отчетах. Военные губернаторы первыми осознали утопичность попыток превращения массовой уголовной ссылки в важный элемент колонизационной политики в области и пытались в своих отчетах донести эту мысль до имперского правительства. Со времени образования Забайкальской области ее высшая администрация понимала негативное влияние ссылки на социально-экономическое, политическое и культурное развитие региона и добивалась ее уменьшения и даже отмены.

Малыгина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: kirienko-o@mail.ru.

Malyagina Olga - Candidate of Historical Sciences, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: kirienko-o@mail.ru.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (далее – РГИА) Ф. 1265. Оп. 1. Д. 87.
2. РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 36.
3. Государственный архив Забайкальского края г. Чита (далее – ГАЗК) Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 346.
4. ГАЗК. Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 1611.
5. Иванов А.А., Кальмина Л.В., Курас Л.В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880-1920 – е гг.). - Иркутск, 2012. – 300 с.
6. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири// Сибирь и её современное состояние и её нужды. Сб. стат. под ред. И.С. Мельникова. - СПб., 1908. - С. 209.

7. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2942.
8. Циркуляр военного губернатора Забайкальской области по тюремному комитету № 175 от 26 августа 1885 г. // Забайкальские областные ведомости 1885. № 36.
9. Всеподданнейший отчет о состоянии Забайкальской области за 1910 г. Научно-справочная библиотека Российского государственного архива. Коллекция печатных записок (далее - НСБ РГИА КПЗ) № 10/1.
10. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX - начале XX в.: проблемы регионального управления / А.В. Ремнев // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60 – 73.
11. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 103.
12. ГАЗК. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 1339.
13. ГАЗК. Ф.1. Оп. 1(о). Д. 2811.
14. Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1907 г. НСБ РГИА. КПЗ № 13.
15. Всеподданнейший отчет военного губернатора Забайкальской области за 1910 г. НСБ РГИА КПЗ № 21.
16. Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М. 2007. – 364 с.
17. Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1902 г. НСБ РГИА КПЗ № 5.
18. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 18.
19. Восточное обозрение. 1884. № 3. С. 13.
20. Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современ. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. Т. XII. 472 с.
21. Всеподданнейший отчет Военного губернатора Забайкальской области за 1908 г. НСБ РГИА. КПЗ. № 34.

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

Статьи принимаются в течение учебного года.

Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

Формат журнала 100x70 1/16.

Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в программе MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие шрифты или символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2) 21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.